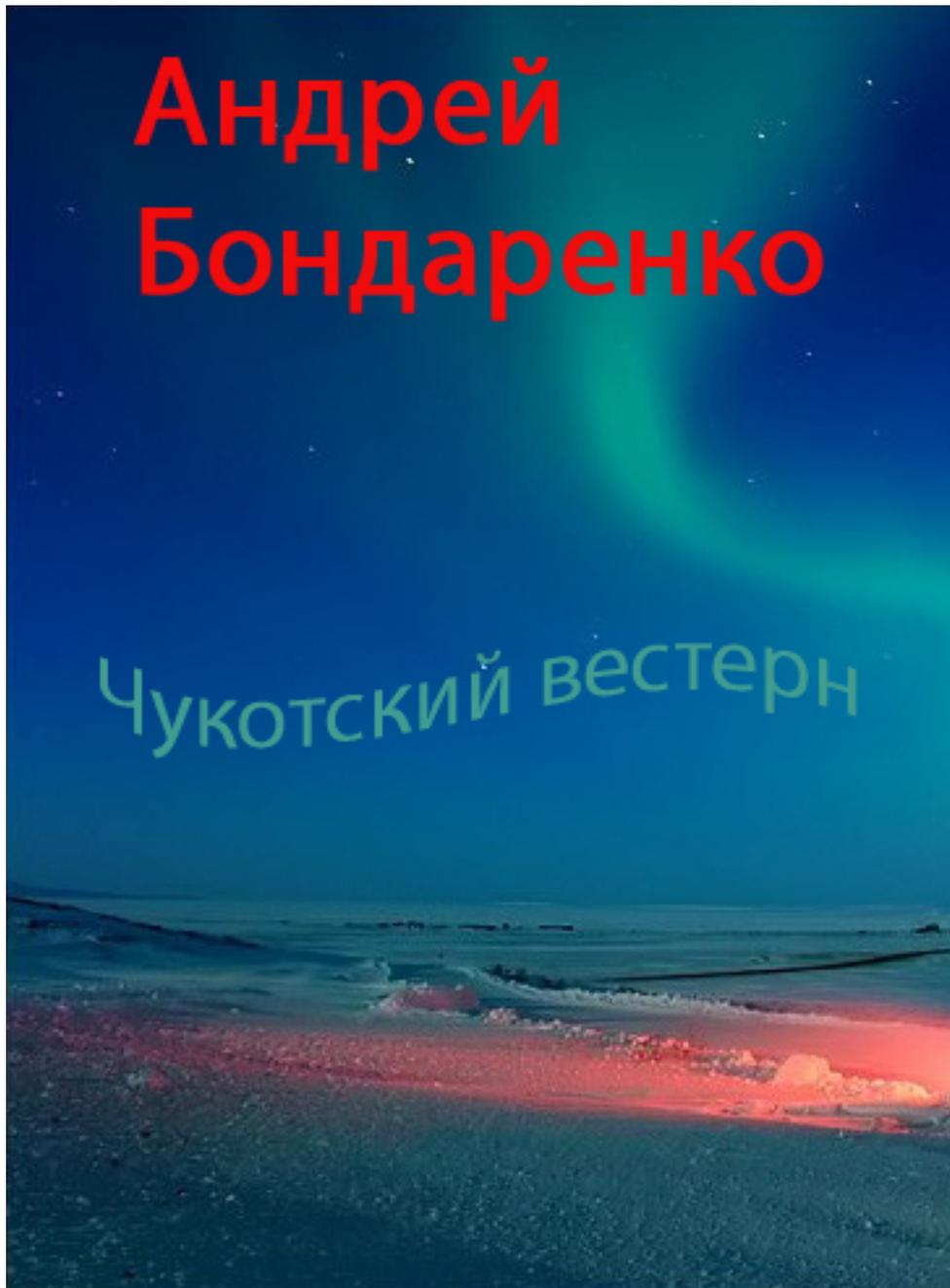

Андрей
Бондаренко

Чукотский вестерн

Андрей Бондаренко
Чукотский вестерн
Серия «Группа «Азимут»», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5025969
Чукотский вестерн:

Аннотация

Когда-то этот роман (по настоянию Санкт-Петербургского издательства «Крылов»), назывался – «Седое золото». Прошли годы, права на книгу вернулись к Автору. По этому поводу роману возвращено первоначальное название, «нарисована» новая обложка и произведена дополнительная (объёмная), авторская редакция.

Итак. 1937-ой год. Приближалась война. Страна нуждалась в золоте. В настоящем и большом. Сотрудники группы «Азимут» откомандированы – для разведки перспективного золоторудного месторождения – на далёкую и загадочную Чукотку, где их ждут самые невероятные и изощрённые приключения...

Содержание

Миттельшпиль	4
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвёртая	28
Глава пятая	36
Глава шестая	42
Глава седьмая, последняя из относительно спокойных	49
Глава восьмая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Андрей Бондаренко

Чукотский вестерн

*Александру Бушкову, эсквайру,
с уважением и сентиментальным восторгом...*

Миттельшпиль

Ник полз курумаником. Хотя этот термин вряд ли приемлем для описания природных ландшафтов Чукотки. Куруманик, как услужливо подсказывала память, это где-то там, в Сибири: ракита, ива, вереск, багульник, прочие симпатичные растения.

Славный такой кустарник, главное, что высокий, до полутора метров бывает, прятаться в таком – одно удовольствие.

А здесь? Карликовые берёзки, такие же осинки, хилые ёлочки. Причём высотой всё это – сантиметров тридцать-сорок, не больше. Поэтому ползти приходилось не то что попластунски – по-змеиному, ужом натуральным вертеться.

Поднимешь голову или какую-нибудь другую полезную часть тела – вмиг засекут.

Хорошо ещё если просто «засекут», так ведь, сгоряча, и отстрелить чего нужное могут.

Он полз уже часов пятнадцать: вниз по склону сопки, слизывая время от времени капельки воды с листьев и цветков морошки. Вода была сладковатой, с лёгким привкусом мёда.

Рядом, в широкой ложбине, начиналось обширное болото, покрытое относительно высоким сосняком, там спрятаться можно было уже по-настоящему. Спрятаться, отсидеться, поразмыслить над случившимся.

Вот и край куруманика, до спасительного леска оставалось всего метров двести – двести пятьдесят.

Ник осторожно приподнял голову над кустами.

Визуально всё было спокойно, солнышко скупо освещало каменистое плато, вокруг – ни души. Вот только те большие, густо поросшие рыжим мхом валуны, беспорядочно разбросанные в отдалении, внушали некоторое опасение. С одной стороны, далеко до них, метров четыреста будет, а с другой, именно там снайпера опытного, с нарезным карабином, он сам и расположил бы.

Полежал Ник в берёзках-осинках ещё минут десять, да и припустил по нагорью короткими зигзагами – где наша не пропадала?

Метров двадцать и пробежал всего – выстрел щёлкнул сухо и как-то очень уж печально.

Правое плечо тут же занемело.

Больно-то как! А главное, обидно – так лохануться: всё вдаль смотрел, камушки всякие, мхом поросшие, осматривая тщательно, а дозорный, видимо, в куруманике и засел, совсем где-то рядом. Ник упал на левый бок, пытаясь сорвать винчестер с раненого плеча, – не получилось. В сторону перекатился, нож выхватил из ножен: поздно, припечатало по затылку чем-то тяжёлым, дальше – темнота, круги фиолетовые заплясали неистово...

Сознание вернулось как-то сразу – внезапно и прочно.

Но Ник не спешил сразу открывать глаза, решил для начала прислушаться к ощущениям организма. Правая сторона тела не ощущалась совсем, будто и не было её никогда, шевелились пальцы левой руки – уже хорошо.

Пахло тундровым разнотравьем, родниковой водой и, как это ни странно, аптекой. То ли йодом, то ли мазью Вишневского, сразу не разобрать.

– Спокойно лежи, друг, – протяжно произнёс кто-то, пока невидимый. Голос, похоже, принадлежал подростку. – Всё хорошо. Живым будешь. Рана простая у тебя. После порошка голубой травы быстро заживёт. За три дня. Не сомневайся.

Ладно, поверим. Ник открыл глаза. Оказалось, что он голый по пояс, правое плечо туго перевязано плотной белой тканью, ноги у щиколоток крепко перехвачены тонким кожаным ремешком.

Ну, и кто же здесь такой хваткий?

Господи, Отец мой небесный, стыдно-то как!

Напротив него, метрах в пяти, сидела на корточках чукчанка, зажав между худенькими коленями какое-то древнее ружьишко.

Молоденькая совсем, лет двадцать, хотя у чукчей этот возраст считается уже весьма почётным – как у русских сороковник.

Симпатичная даже: пикантный разрез глаз, чувственные губы, фигурка гибкая, точёная. Во всем облике сила звериная ощущается, грация дикая.

Про такую Саня Бушков обязательно бы что-нибудь эдакое выдал: «Прекрасная охотница, восхитительная в своей первобытной дикости, чувственная и опасная...»

Ладно, Санёк далековато нынче, не докричишься, не дозовешься. Если правильно формулировать и в корень вещей зреть, то он и не родился ещё вовсе...

Девчонка невозмутимо смотрела на Ника своими угольно-чёрными глазами и молчала.

«Да без вопросов, мы ребята тоже неразговорчивые, в молчанку играть не впервой», – подумал Ник, стараясь сохранять на лице маску невозмутимости и полного покоя.

После нескольких минут тишины девушка всё же спросила, указав на Ника тоненьким указательным пальчиком:

– Как зовут того, кто живёт на твоём плече?

Хороший вопрос. Ник сразу понял, что это она про татуировку спрашивает.

Только, вот, какое плечо имелось в виду?

На левом у него Че Гевара был изображён: славный такой, светло-зелёный, в лихо заломленном берете, с «калашом» в руках. Лет двенадцать уже той татуировке.

А на правом плече – свежая совсем, нанесённая в канун Нового Года.

Нового – *тысяча девятьсот тридцать восьмого*, в соответствии с модой *нынешней*.

Это Сизый посоветовал, мол, не стоит выделяться из общей массы, ближе к народным чаяниям надо быть. Сам и наколол, ясен пень.

Чукчанка оказалась сообразительной, сразу просекла те его сомнения и любезно уточнила:

– Того, кто на забинтованном живёт.

– Его зовут, – ответил Ник, стараясь говорить неторопливо и внятно, – Иосиф Виссарионович Сталин.

– Правильно, – неожиданная собеседница кивнула головой. Мимолётно улыбнулась даже.

Ещё помолчали.

– А на другом?

– Того что на другом – Эрнесто Че Гевара.

– Симпатичный какой, – заявила девица, пристально глядя в глаза Нику. – Только мне это всё равно – как их зовут. Те, в пятнистой одежде. Они по-русски плохо говорят. Хуже чукчей. Они обещали за тебя – чай, табак, спирт. Но ты мне нравишься. Покрасивше этого зелёного будешь. Понимаешь? – улыбнулась лукаво и медленно, с намёком, провела ладошкой по своей коленке.

Чего ж тут непонятного? Ник всегда знал, что нравится девушкам. Много всяких у него было, даже американка одна...

Глава первая Чужой парашют и Кресты

Мокрая, местами пожелтевшая трава частного аэродрома, где-то между Красным Селом и Ломоносовым. Самолёт неуклюже оторвался от взлётной полосы и неровными толчками начал набирать высоту. В этот момент громко зазвонил мобильник.

Инструктор Петрович скорчил недовольную мину, но всё же разрешающе махнул рукой: мол, давай, поговори, – я добрый сегодня.

– Да? – спросил Ник, нажимая нужную кнопку.

– Здесь Ахмет, – оповестила трубка с лёгким кавказским акцентом. – Твоя дочь и жена у нас. Вах, какие красивые девочки, просто персики! Три дня у тебя на всё. Хочешь женщин своих обратно получить – рассчитайся полностью, будь мужчиной. Всё ясно?

– Всё, – прошептал Ник.

– Тогда – Роджер...

Длинные гудки, отбой.

Похоже, действительно – всё. Где взять миллион баксов? Негде, сожрал всё долбаный финансовый кризис. Ещё несколько месяцев назад Ник был преуспевающим бизнесменом, а ныне? Ныне – банкрот полный, даже квартиру и две машины в пользу кредиторов пришлось отписать, а долгов ещё осталось – выше крыши среднестатистического небоскрёба, проценты по ним ежедневно бегут.

Нет денег, совсем нет. Вот, хотел годовой абонент на прыжки с парашютом обратно сдать, хоть немного наличности получить на руки, не согласились в Авиаклубе. Мол, денег у самих нет, да и в договоре отсутствует такой пункт, а прыгать хочешь – так это пожалуйста, просим...

Конечно, решил прыгнуть, раз всё равно приехал. Тем более что и осень в этом году на удивление тёплой выдалась: первая декада ноября на исходе, а в лесах ещё грибы всю собирают.

Любил Ник это дело: небо бездонное над головой, домики крошечные проплывают внизу, свежий ветерок, воздух – как после дождя в деревне, пахнет чем-то свежим и влажным, совсем чуть-чуть угадывается аромат полевого разнотравья...

– Всем приготовиться! – громко скомандовал Петрович. – Начинаю обратный отсчёт: тридцать, двадцать девять, двадцать восемь... два, один, ноль. Первый – пошёл!

Голубой купол неба, восхитительное чувство свободного падения...

Тут, в считанные секунды, Ник и понял, что надо делать. Года полтора назад, когда денег было навалом, застраховал он свою жизнь в солидной зарубежной компании, причём со страховой премией родственникам в случае чего, более чем значимой. И с Ахметом рассчитаться хватит, и девчонкам ещё останется на безбедную жизнь. Нормально всё должно сойти. Какое такое самоубийство? Несчастный случай обычный: просто парашют не раскрылся – по неустановленной причине.

Рука разжалась, отпускающая заветное кольцо...

Ник летел с огромной скоростью по узкому чёрному туннелю; где-то в конце туннеля чуть виднелось, вернее, только угадывалось крохотное белое пятнышко. Пятно неуклонно приближалось, расширялось, из него, словно щупальца спрута, вылетали разноцветные спирали, опутывали Ника, пеленая в радужный кокон...

Господи, страшно-то как! Господи!!!

Рука судорожно потянулась к отпущенному только что кольцу, но пальцы предательски занемели, совсем не слушались.

Ну, ещё немного, последнее усилие...

Голубое небо, восхитительное чувство свободного падения. Рука уверенно сжимала кольцо парашюта. Только, вот, кольцо какое-то другое: было маленькое латунное, а это большое, деревянное на ощупь.

Ладно, потом сообразим, что к чему. Рывок!

Как в плечи-то ударило, больно!

Ник посмотрел вверх: над его головой громко хлопал незнакомый купол светло-коричневого цвета, раза в три больше обычного. Что за хрень такая?

Посмотрел вниз: приближалась земля.

Какие-то конники скакали навстречу друг другу, много-то их как, не иначе – целая дивизия.

Танки группкой стояли на отшибе. Только неправильные какие-то, неуклюжие, словно выпиленные лобзиком из фанеры.

Трибуна просторная, на ней несколько человек руками приветственно размахивали, вокруг трибуны – толпа, красные флаги, многочисленные плакаты.

Земля всё ближе, ближе...

Уже отчётливо были видны буквы на самом большом плакате, белые буквы на алом фоне: «Да здравствует двадцатая годовщина Великого Октября!»

Вот, и другой: «Ленинградцы – на нас смотрит товарищ Сталин!».

Надо сразу оговориться, что про Кресты – это так, чисто для красного словца. Достаточно несерьёзно к Нику отнеслись: то ли приняли за обычного хулигана, то ли праздничная суета всему виной.

Правда, повязали тут же и качественно, что совсем неудивительно.

Было бы удивительно, если бы не повязали: все, приземлившись рядом с Ником, были одеты в коричневые мешковатые комбинезоны, а он – в фирменный, тёмно-зелёный, с многочисленными прибабасами. А главное, на груди крупными красными буквами было написано «Coca-Cola». Иностранными буквами, причём!

Тут же многие пальцами стали в его сторону показывать, вскоре послышались и трели свистков, всякие разные набежали – в синей форме, кожаными португепями перетянутые.

Руки назад заломили, потащили куда-то.

Ник и не сопротивлялся совсем. А смысл? Тем более что после всего произошедшего прибывал в полном трансе: ноги ватные, на лице пот холодный, голова пустая, без единой мысли.

Только где-то на уровне подсознания рисовались тоскливые картинки, основанные на отрывочных знаниях *обэтих* временах. Расстрелять должны были всенепременно: либо как шпиона иностранного, либо просто как саботажника и обычного врага народа...

Хорошо ещё, что по лицу не настучали, хотя и могли запросто.

Запихали в неуклюжую чёрную машину, где водитель от Ника и двух сопровождающих был отгорожен железной решёткой, повезли.

Недолго совсем ехали, в полной тишине, минут сорок всего. Ясно, что до Ленинграда так и не добрались. Судя по всему, Пушкин, или же Красное Село, а может, и Ломоносов.

Забор с колючей проволокой по периметру, ворота тёмно-зелёные, в цвет его комбинезона, на воротах – одинокая красная звезда.

Въехали на территорию: здание двухэтажное, красного кирпича, с зарешёченными окнами, над входной дверью висела скромная табличка «Следственный изолятор».

Понятное дело, странно было бы табличку «Гостиница» увидеть, да ещё с пятью золотыми звёздочками пониже надписи.

Двое обломов в тёмно-синем поволокли Ника по коридору. Там, в тупичке, обнаружилось что-то вроде регистратуры: сидел себе дядя заспанный за столом, тоже весь в тёмно-синем, газетку листал. Посмотрел на Ника, газету в сторону отложил, открыл толстый журнал, ручку достал – из деревянного школьного пенала.

– Фамилия, имя, отчество? – спросил лениво.

– Иванов Николай Андреевич, – ответил Ник честно.

Записал дядя, не торопясь, язык от усердия высунув, эти сведения в журнал, зевнул пару раз и продолжил:

– Год рождения?

– Восьмидесятого года, – осторожно так, чисто на всякий случай, ответил Ник.

Посмотрел дядя удивлённо, засомневался:

– Напрасно ты, паренёк, врёшь. Ну, никак ты на пятьдесят семь лет не тянешь, так, на тридцатник только. Хотя и не моё это дело, пусть у товарища следователя голова болит, он за это свои деньги немалые и получает.

Записал и уже у сопровождавших Ника милиционеров поинтересовался:

– Причина задержания?

Те переглянулись между собой, и один из них неуверенно доложил:

– Хулиганство во время показательных прыжков с парашютом. Выполнял прыжок в неуставной форме одежды...

– Ясное дело, – понятно констатировал дядя, заполняя журнал. – Разгильдяйство и головотяпство налицо. Разбаловались, о дисциплине забыли. Ничего, посидишь тут суток трое – сразу поумнеешь. Всё равно сейчас тобой некому заниматься, все заняты на праздничных мероприятиях. Сидорчук! Отведи этого вояку недоделанного в третью камеру.

Из другого закутка появился толстый пожилой милиционер, пошёл дальше по коридору, звеня связкой ключей и что-то бормоча себе под нос, жалея о том, что отменили розги – очень действенный инструмент в деле воспитания молодёжи. Ник и двое сопровождающих отправились следом за старым ворчуном.

По узкой, почерневшей от времени лестнице поднялись на второй этаж. Сидорчук, противно скрипя ржавым ключом в замке, открыл неприметную коричневую дверь и жалостливо прошептал Нику, предварительно подмигнув:

– Ты это, веди там себя правильно. Оно, может быть, и пронесёт.

И уже громко, для всех:

– Задержанный, входите. Правила поведения – висят на стенке. Извольте ознакомиться, гражданин...

Ник переступил порог камеры, дверь за ним закрылась, снова, словно предупреждая об опасности, проскрипел ключ в замке.

Огляделся по сторонам – вполне терпимо, могло быть и хуже.

В 1997-м, по глупости малолетней, приходилось ему пару раз посещать аналогичные заведения. Так вот, там всё выглядело во сто крат хуже, мрак полный, если коротко.

Здесь же – курорт натуральный: свежий воздух, никакой тебе вони, нары просторные в два ряда, вон – даже простыни на матрацах имеются, между нарами – стол квадратный, табуреток шесть штук, занавесочки висят на окошках. А параша, судя по всему, за той вот ширмой находится. Культура, одним словом, с элементами навороченного дизайна.

Вот только с людским контингентом похуже будет: четверо малоприятных личностей за столом в карты дулись, ещё двое похрапывали на верхних нарах. С теми, спящими на нарах, ничего ещё не понятно, а вот эти, которые за столом находились, – те ещё типажи. Сплошные золотые фиксы, накладки синие многочисленные, шрамы неаппетитные – тут и там.

Блатата натуральная такая, недобрая. Шестеро на одного – многовато будет, да и четверо – не слаще, в общем-то.

Ник, как и многие его сверстники из *тоговремени*, имел определённые навыки рукопашного боя: в школе посещал секцию дзюдо, в студенческие годы немного каратэ занимался. Но слабое это утешение: в замкнутом пространстве, да ещё если все сразу накинута – нулевые шансы на победу, всё равно затопчут.

Один из картёжников встал из-за стола и, небрежно сунув руки в карманы, двинулся к Нику. Худющий, лет двадцать с небольшим, наверное, по пояс голый, а на голове – крохотная кепочка, залихватски сдвинутая набок.

«Знакомая ситуация – по фильмам, сериалам и книжкам: это обычная «шестёрка» направляется на разведку. Сейчас обзывать начнёт, сразу попросит обувь снять. Скучно даже», – подумал про себя Ник. – «А ещё у него изо рта луком должно вонять, обязательно...».

Про лук он ошибся – изо рта «шестёрки» отчётливо несло чесноком.

Зато всё остальное угадал досконально. Молодец.

– Ба, кого к нам занесло! – тоненько заверещала «кепочка». – Глядите – какой нежный красавчик. И буковки у него на груди заграничные, уписаться можно запросто... Чего там написано-то, красавчик? Чего молчишь-то? Может, непотребное что? Относительно твоей участи горькой, или про привычки какие, вредные, хронические? А? Не слышу, фря несносная! Глядите – молчит. А это что ещё? Вы посмотрите, какие у него штиблеты на ножках стройных.

Ботинки у Ника действительно были знатные, купленные в Германии, армейские, настоящий «бундесвер», без всяких китайских происков и подделок.

«Шестёрка» продолжала изгаляться:

– Дяденька, родной, ты ботиночки-то свои – снимай, пожалуйста. Тут у нас подметено, запачкаешь ещё. – И, уже теряя терпение, гаркнул, вытащив из кармана руку с зажатым кастетом: – Снимай быстро боты, фраер ушастый!

«Прав тот служивый оказался, плохо здесь с дисциплиной. Даже кастет у подследственного не отобрали, деятели хреновы» – отметил про себя Ник, прежде чем захватить «шестёрку» по наглой физици. Ногой, естественно, вернее, просимой бундесовской штиблетиной.

Обычная маваша-гири, выполненная далеко не лучшим образом.

Честно говоря, это само собой произошло, не преднамеренно. Во-первых, больно уж от этого шпанёнка чесноком несло, нестерпимо просто, а во-вторых, так всегда «главный герой» поступал – в фильмах, сериалах и книгах, кои Нику доводилось смотреть и читать *в той* своей жизни.

Стереотипы, так сказать, сработали.

Дальше всё опять предсказуемо завертелось: «шестерка» отлетела назад, глухо ударила головой об угол стола, опрокинув его, – карты разлетелись по всей камере. Остальные трое мгновенно вскочили на ноги, вооружившись напильником и двумя солидными табуретами, приготовились к атаке.

«А, будь что будет», – бесшабашно решил про себя Ник, принимая оборонительную стойку.

– Ну-ка, ша! – С нар свесилась коротко стриженная седая голова. – Назад все! Отпрянули шементам, собаки дикие! Отпрянули и успокоились! Кому сказано? Порядок всей стаей облезлой навели, по-бырому!

Стол мгновенно был водворён на место, грозная троица расселась по табуретам, «шестёрка», жалобно скуля и подвывая, принялась собирать разбросанные карты.

Ник застыл у входа, скрестив руки на груди.

С верхних нар слезли двое. Вернее, слез один: пузатый, уже пожилой, с профессорской бородкой – весьма неуклюже сполз, сопя и охая. Зато второй, обладатель стриженной седой головы и перебитого в двух местах носа, средних лет, сухошавый и высокий, ловко соскочил – с ленивой кошачьей грацией.

В нём сразу угадывался опытный боец, опасный и выносливый. Да ещё и повыше Ника будет на полголовы.

Ник непроизвольно напрягся и опустил руки со сжатыми кулаками к бёдрам. Так, чисто на всякий случай.

– Смотри-ка, Профессор, – обратился седой к обладателю профессорской бороды, совсем не обращая внимания на движение Ника. – Новенький-то у нас – ловко умеет ногами махать. Кенгуру, прямо, настоящий. Когда я в далёкой молодости мореманил во Владике, у нас на корыте один узкоглазый служил, тот тоже горазд был так махать. Хилый весь из себя, в чём только душа держалась, а в драке равного ему не было.

Профессор согласно покивал головой и вежливо поинтересовался:

– Извините, молодой человек, эта техника, вами продемонстрированная, называется «кон фу»?

– Нет, не совсем, – так же вежливо уточнил Ник. – Этот вид японских единоборств именуется «каратэ-до».

– Да, да, – вновь закивал Профессор, словно что-то вспоминая. – Конечно же, «каратэ-до». Если ничего не путаю, этот термин переводится на русский язык как «пустая рука»?

Ник, в свою очередь, утвердительно кивнул.

– Познакомимся, что ли, братуха, – предложил седой. – Я – Сизый. Можно и так – Лёха Сизый. Да и на Лёху откликнусь, я не гордый сегодня.

– Ник, – в свою очередь отрекомендовался Ник, крепко пожимая протянутую руку.

– Хорошая кликуха, – понятно улыбнулся Сизый. – Новая такая, незамаранная. С такой далеко можно пойти по жизни. Не то, что у этих, – кивнул головой на троих за столом. – У них у всех одинаковое погоняло – «Корявый», представляешь? Не повезло дурикам, в такой ситуации выйти в «авторитеты» – нереальное занятие.

– Вырвиглаз, – скромно представился Профессор. – Профессор, доктор геолого-минералогических наук Вырвиглаз. Можно без имени-отчества.

– Не можно, а нужно, – Сизый шепнул Нику на ухо. – Он за это имя-отчество тут и парится: Владимир Ильич он по паспорту, усекаешь, подельник?

– Бывает, – согласился Ник.

Расселись за столом, предварительно загнав «шестёрку» – по кличке Шпала – на дальние нижние нары, чтобы не мешал. Сизый тут явно был за старшего, потому и повёл разговор:

– Ногами ты, друже Ник, махать умеешь. Мы это поняли уже. А ещё какие таланты имеются у тебя в загашнике? Здесь ведь всё как на воле: если умеешь чего путного и полезного делать – уважение тебе и почёт, не умеешь ничего – плохо это, парашу драить придётся. Вот, с ним вместе, – небрежно махнул рукой в сторону Шпалы. – Причём и другие обязанности найти можно. Не обижайся зазря, это закон такой. Кто же против закона, находясь в здравом уме, попрёт? Тут, кореш, и ноги не помогут. Так что, соображай, шевели извилинами.

Ник усиленно соображал, сопоставляя свои таланты и умения с конкретикой ситуации.

Уверенный пользователь компьютера? Знание всех тонкостей биржевых операций? Стратегический маркетинг? Маркетинг-микс, бенчмаркетинг? Многоуровневый контролинг и сквозное бюджетирование? Всё не то. А парашу регулярно драить не хотелось совсем, да ещё и на другие обязанности намекали грязно. И вообще, даже как-то стыдно за себя, неужели же он совсем ни на что полезное не годен? Тут взгляд Ника упал на старенькую гитару, небрежно прислонённую к стенке. А что, почему бы и нет? Интересно, как *тутюшние* уркаганы отнесутся к *тамошнему* шансону?

Ник небрежно, с чувством собственного достоинства, поднялся, подошёл к стенке, взял гитару в руки, вернулся на своё место, демонстративно взял несколько аккордов, умело повертел колки, настраивая инструмент.

«Ну держитесь, господа бластные из тридцатых, – подумалось. – Сейчас будет вам цыганочка – с выходом из-за печки».

И вжарил:

Гоп-стоп, мы подошли из-за угла.
Гоп-стоп, ты много на себя взяла.
Теперь расплачиваться поздно,
Посмотри на эти звёзды.
Посмотри на это небо,
Взглядом, слышь, тверёзым...

Ну, и так далее.

Произвело впечатление, прониклись слушатели. Когда песня отзвучала, лишь только один из Корявых выдохнул восхищённо, да Лёха Сизый попросил хрипло:

– Ещё! Ещё давай! Наяривай...

Ник дважды просить себя не заставил и выдал: «Фраер, толстый фраер – на рояле нам играет», «Заходите к нам на огонёк, пела скрипка ласково, и так – нежно», «На улице Горюховой – ажиотаж. Урицкий всё Чека вооружает».

Жаль, Александра Яковлевича здесь не было, то-то порадовался бы, родимый. Таких зрителей благодарных увидеть – удовольствие несказанное: приоткрытые от удивления рты, дорогие слезинки в уголках глаз...

Когда Ник до «Владимирского централа» добрался – незабвенного Михаила Круга, – публика уже подпевала вовсю, вернее, припев орала истошно. Особенно Корявые старались, хором нестройным.

По окончанию «Централа» в замке противно заскрипел ключ, дверь приоткрылась, и появившийся на пороге Сидорчук недовольно зашипел:

– Обнаглели совсем, ухари? Прекращайте орать. В карцер захотели? А ты, новенький, пой, потише только. Что-нибудь душевное давай. Я дверь закрывать не буду, тоже послушаю чуток.

Душевное? Пожалуйста.

Далее последовало: «Я не старый, но поверь – уже седой», «Стало мне грустно вдруг, осень стоит за окном», ещё что-то.

Но особенно слушателям понравилась *давняя* песенка Аркаши Северного – «Мишки». Правда, Ник и от себя пару куплетов добавил, сочинённых ещё в стройотрядовскую бытность.

– Заплутали мишки, заплутали, заблудились в паутинках улиц... – задушевно выводил Ник, а про себя сомневался: «Заплутали мишки... А не про меня ли это? Может, это я и заплутал? Во времени...»

Так вот Ник и стал местным «авторитетом»: отвели ему лучшие нары – рядом с Сизым, освободили от всяческих хозяйственных работ.

Не жизнь, а малина: с утра завтрак скромный – чаёк жидкий с хлебушком, потом часовая прогулка во дворе, музицирование, обед с полноценной баландой, снова – песенки разные, ужин – в точности как завтрак, перед сном – анекдотов травление неустанное.

Только, вот, анекдоты *тутошные* совсем Нику не нравились, сплошной «Петросян» какой-то: всевозможные туалетные вариации, блевотина в общественных местах, мужское достоинство, оторванное токарным станком, прочая ерунда.

Впрочем, и его анекдоты встречали без должного понимания.

Как-то ночью, когда Корявые и Шпала уже крепко спали, решил Ник рассказать свою историю Сизому, да Профессор при этом присутствовал.

Лёха и до половины недослушал, плюнул, ругнулся матерно и спать отправился, пробубнив напоследок:

– Я и сам большой мастер – сказки травить глупые, по ушам братве ездить нещадно...

А Профессор до конца выслушал, минуты три-четыре просидел молча, а потом уже, когда неуклюже на нары забирался, высказал своё мнение:

– Теоретически – да и с философской точки зрения – пробой во Времени возможен, конечно.... Или всё же прав Сизый – горбатого лепите? Извините, мой юный друг, за эту ужасную фразу. Три года на зоне – не шутка. Привязались всякие слова-паразиты. Простите уж старика....

Только через четверо суток, уже под вечер, пришли за Ником.

И не миляга Сидорчук, а двое в штатском – рослые такие, с глазами оловянными и пустыми.

– Задержанный Иванов, на выход. Гитару взять с собой.

Взял Ник гитару за деку, всем головой кивнул – на всякий случай – да и пошёл.

– Постойте, – Профессор его окликнул. – Вы, Никита, следите внимательно за своим языком. Думайте, прежде чем говорить. Как в той пословице: «Семь раз отмерь, а потом только – отрежь».

Дельный совет.

Глава вторая

Капитан НКВД Курчавый и новое имя

– Отставить разговоры! – рявкнул с дежурной угрозой в голосе оловянноглазый. – Поторапливайтесь, гражданин Иванов. Руки с гитарой – за спину.

По всё той же узкой, почерневшей от времени лестнице спустились на первый этаж, потом, по другой уже, в подвал. Мрачный коридор, скупо освещённый тусклыми лампочками, массивная, открытая настежь дверь.

– Товарищ капитан, – доложил один из конвоиров в открытую дверь, не делая попытки переступить порог. – Задержанный доставлен.

– Задержанного – ввести. Двери – плотно закрыть, – прозвучала негромкая команда.

Получив тычок в спину, Ник сделал несколько торопливых шагов вперёд. Дверь за его спиной мгновенно захлопнулась.

Просторный такой кабинет, уютный даже, лампочек ярких пяток под потолком. По правой стене комнаты выстроились многочисленные книжные полки, по левой – стеллажи с папками, разномастные шкафы, пара сейфов. У дальней стены обнаружился стол – старинный, письменный, покрытый синим потёртым сукном. Рядом с ним притулился одинокий стул с вычурно выгнутой спинкой. Над столом, на стенке, висел портрет Сталина. За столом восседал пожилой гражданин, седоусый и полностью лысый. Именно, что лысый, а не бритый.

– Присаживайтесь, задержанный, – любезно предложил лысый и тут же представился: – Капитан государственной безопасности Курчавый, Пётр Петрович.

– Бывает, – автоматически прокомментировал Ник, осторожно присаживаясь на краешек стула. Гитару прислонил к ближайшей книжной полке.

– Хамить изволим, – подытожил Курчавый, внимательно разглядывая Ника.

Глаза у капитана были умные, а взгляд цепкий, с насмешливым прищуром.

– Да нет, даже и не думал. Само вырвалось, – признался Ник. – Смешно просто: лысый – но Курчавый. А я – Иванов Николай Андреевич, восьмидесятого года рождения.

– Тысяча восемьсот восьмидесятого года? – уточнил Курчавый.

Ник благоразумно промолчал.

– Ясно, – нахмурился капитан, записывая что-то на листе бумаги, предварительно обмакнув перьевую ручку в солидную чернильницу. – Иванов Николай Андреевич, восьмидесятого года рождения. Парашютист?

– Парашютист, – обреченно подтвердил Ник.

– Лейтенант Красной Армии?

– Лейтенант.

Про то, что он лейтенант, но запаса, да и армия уже давно вовсе и не «Красная», Ник, помня совет Профессора, уточнять не стал.

Курчавый отложил перо в сторону и уставился на допрашиваемого тяжёлым взглядом. Помолчали.

Капитан достал из толстой папки, лежавшей перед ним, небольшую фотографию, щелчком отправив её через стол, спросил небрежно:

– Узнаёте?

С фотографии на Ника смотрел полноватый блондин возрастом немного «за пятьдесят», с шикарным волнистым чубом. Мужчина широко улыбался, демонстрируя наличие нескольких металлических, а может, и золотых зубов.

Было что-то знакомое в его лице. Нос, например. У Ника такой же – с лёгкой горбинкой, да и волосы – того же колера.

– Нет, – повертев фотографию перед глазами, сказал Ник. – Не знаю имени этого человека. Может, и встречались с ним. Но где, когда? Не могу вспомнить.

– Вот, это и странно, – задумчиво протянул Курчавый. – На фотографии – Иванов Николай Андреевич, тысяча восемьсот восьмидесятого года рождения, парашютист, лейтенант Красной Армии. Помимо прочего – выпивоха и разгильдяй. Не уволен в отставку только благодаря своим прошлым заслугам. Герой Гражданской войны, как-никак... Может быть, вы его племянник, брат? Уговорили родственника на подмену, прыгнули с парашютом вместо него, чтобы потом было чем хвастать перед девчонками? А?

Ник только головой помотал отрицательно.

Капитан напористо продолжил:

– Ещё одна странность. В помещении части, где парашютисты переодевались в тот день, нашли странную записку. Почерк лейтенанта Иванова уверенно подтверждён экспертизой.

Курчавый порылся в своей объёмистой папке, нашёл нужную бумажку и прочёл – громко, с выражением, как будто даже радуясь чему-то:

– В моей смерти прошу винить только меня. Совесть заела совсем. Мой донос годичной давности на майора Егорова – сплошная ложь. По сильной пьянке написал. Егорова расстреляли, его жену отправили в лагерь, дочку – в детский дом. Ухожу, не буду за кольцо дёргать! Прощайте, друзья! Да здравствует товарищ Сталин и мировая революция!

Капитан ещё говорил что-то, но Ник его не слушал, размышлял лихорадочно: «Вот оно в чём дело, совпало всё: ФИО, число, месяц, суть произошедшего, только вот разница – в семьдесят лет. Путаница какая-то случилась в этом туннеле: не иначе, *тутошний* Иванов тоже в последний момент передумал умирать, дёрнул все-таки за кольцо. Такие вот дела, блин туннельный...».

Ник очнулся от раздумий сугубо по причине очень холодной воды, текущей по его затылку вниз, прямо за шиворот комбинезона. Это добрый и заботливый капитан НКВД налил ему на голову водички из стандартного пузатого графина.

– Спасибо большое, – вежливо поблагодарил Ник.

– Не стоит, – небрежно отмахнулся Курчавый, усаживаясь обратно на своё место.

Опять занялся содержимым своей папки, старательно перебирая многочисленные бумажки.

– Нашёл. Из этой справки следует, что у лейтенанта Иванова Николая Андреевича имеется только один родственник из ныне живущих. А именно: сводный брат, младший, двадцати семи лет от роду, Никита Андреевич Иванов, беспартийный, студент четвёртого курса славного Ленинградского Горного института. Что, попались, любезный Никита Андреевич? Вы же в камере всем представлялись «Ником»? Ник – Никита? Будете дальше отпираться?

Ник действительно был немного огорочен. Непонятные совпадения продолжались: дело в том что и он, в *своё* время, учился в ЛГИ, правда, отчислен был за неуспеваемость. Что характерно, именно с четвёртого курса.

– Будем резюмировать, – покладисто предложил капитан. – Что там у вас с братом случилось, почему вы вместо него прыгали, мне неважно. Ваши дела. Если Николай Андреевич объявится, поговорим с ним отдельно. Пока мы займёмся вашей участью. Не возражаете, мон шер?

Ник энергично, даже с энтузиазмом покивал головой. Действительно, пора как-то определяться. Расстреляют? Не расстреляют? А если не расстреляют, то – что тогда, собственно?

Курчавый со вкусом закурил мятую беломорину, выпустил к потолку несколько идеальных колец и продолжил:

– На лицо – попытка вредительства, раз. Парашют – военное имущество. Любой штатский, эксплуатирующий без соответственного разрешения военное оборудование, есть вредитель. Ясно? Далее, имеет место быть идеологическая диверсия, это два. В каком виде вы на праздничном военном смотре появились? Что это – за Соса-Сола такая?

– Кока-Кола, – поправил Ник. – Это напиток такой американский, на наш квас похожий.

– Видите! – капитан картинно поднял вверх указательный палец. – Американский! Весь советский народ очередную годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции празднует, а вы, в это время, пропагандируете напиток буржуазный. Это наглость, милостивый государь. Однозначно, пятьдесят восьмая статья, однозначно. И не спорьте со мной.

– Да я случайно комбинезон этот надел, – заканючил Ник. – Первый, что под руку подвернулся, честное слово...

– Отсутствие мозгов не освобождает от ответственности, – милостиво пошутил Курчавый. – Случайно, не случайно, это значения не имеет. Факт фактом остаётся: пропагандировал идеологически чуждый напиток, и точка. Да, а вот ещё анекдоты эти, что вы в камере рассказывать изволили. Однозначно, пятьдесят восьмая! Как это у вас там про Польшу? Расскажите-ка, не стесняйтесь. Да ладно, не похожи вы на юную гимназистку, право..., – и прикрикнул уже: – Рассказывай, голодранец!

– Первые годы после революции, – монотонно забубнил Ник, уставившись в пол. – Столица из Петрограда переехала в Москву. Надо было что-то делать, столичный статус демонстрировать миру. Решили провести выставку художников современных, из тех, которые революцию приняли безоговорочно. Огляделись, а художников-то стоящих – под рукой и нет. Кто за границу уехал, кого шлёпнули в общей массе, в горячке процесса, так сказать. Один только художник Петров-Водкин по Красной Площади разгуливает, довольный жизнью и собою. Как же иначе, с такой-то знатной фамилией? С такой фамилией и не тронет никто, постесняется. Ну, разве только по беспределу если. Вызвали Петрова-Водкина в ЧК, задачу обозначили: за неделю нарисовать сто новых картин. Покочевряжился Водкин вначале, но объяснили ему доходчиво – о целях, задачах и последствиях его отказа, он и согласился. За неделю не сто картин нарисовал, а целых двести. Проходит в Манеже выставка, народу приехало – не сосчитать. И делегация красных латышских стрелков пожаловала, с товарищем Лацисом во главе. Идут по залам, важные такие, что-то записывают в специальных блокнотах. Подвёл их экскурсовод к одной картине, «Ленин в Польше» называется. На берегу озера – шалаш, из шалаша торчат две пары ног.

– Эт-то – чьи будут ног-ги? – вежливо, но одновременно требовательно и строго товарищ Лацис спрашивает.

– Надежды Константиновны, – отвечает экскурсовод.

Красные латышские стрелки тут же записали ответ в своих блокнотах.

– А эти чьи?

– Феликса Эдмундовича.

Красные латышские стрелки сделали новые пометки в блокнотах.

Через пять минут спрашивают хором, почему-то безо всякого акцента:

– Где же Ленин?

– А Ленин – в Польше, – грустно вздохнул экскурсовод.

Красные латышские стрелки ещё долго что-то в своих блокнотах записывали...

Первое время Курчавый из-за неудержимого смеха вовсе не мог говорить, наконец, успокоился, смахнул слезу и, приняв вид донельзя серьёзный и суровый, заявил:

– Гадость, какая! Антисоветчина! Хотя элегантно, надо признать. Но всё равно – гадость...

Капитан встал из-за стола, не торопясь, прошёлся по кабинету, до двери и обратно. Видимо, обдумывал что-то важное.

– Говорят также, что вы, Никита Андреевич, и песенки разные петь горазды? Порадуйте уж старика. Просим, просим.

Ник взял в руки гитару и исполнил несколько песен из своего «камерного» репертуара. Старался, потому как – вдруг, и выгорит чего полезного.

После пятого «шедевра» капитан рукой небрежно махнул, мол – достаточно.

Ник опять прислонил гитару к книжной полке и замер на своём стуле, понимая, что сейчас, возможно, и решится его участь – окончательно и бесповоротно.

– Повезло тебе, шалопай, – неожиданно нормальным голосом сказал Курчавый. – Я в дореволюционные годы успел несколько лет поработать учителем словесности – в ремесленном училище. Так что, имею определённую слабость к разным стихам, к фольклору народному. И вообще, судя по всему, парнишка ты неплохой. Вижу два варианта развития событий. Первый – пускаю дело обычным порядком, тогда тебе светит лет десять-пятнадцать исправительных лагерей. Как, устраивает тебя, студия недоделанный, такое развитие событий?

– Да не очень как-то, – от сердца у Ника неожиданно отлегло, он сразу понял, что второй вариант будет намного мягче. Не зря же энкаведешник на «ты» перешёл?

– «Не очень», – передразнил капитан. – Тоже мне – мыслитель. Ладно, предлагаю другой вариант. Альтернативный. Я все эти бумаги прячу в сейф, замораживаю следствие, так сказать. Сейчас таких дел, друг на друга похожих, – тысячи, многие десятки тысяч. Так что на общем фоне и не заметит никто. Ясно излагаю?

– А взамен что попросите?

– Правильно ситуацию понимаешь, – скупой улыбнулся Курчавый. – Взамен попрошу написать другую бумагу, вернее – заявление. Примерно такого содержания: «Я, Иванов Никита Андреевич, 1910 года рождения, студент четвёртого курса Ленинградского Горного Института им. Г. В. Плеханова, прошу включить меня в состав группы «Азимут». Даю подписку о неразглашении всей информации о деятельности группы «Азимут». Осознаю всю важность и меру ответственности...». Можешь, от себя лично, добавить про любовь к Советской Власти и лично к товарищу Сталину. Подпись. Вопросы сейчас можешь не задавать, всё равно получишь ответы только после подписания заявления. Так как – будет дело под Полтавой? Или же в лагерь?

Ник долго не раздумывал. Представлялась шикарная возможность легализоваться *в том* мире, чего тут раздумывать? Но почему же этот лысый Курчавый – такой добрый? Первый раз его видит и тут же в некую секретную группу предлагает вступить? Что-то тут не так. Может, Лёха Сизый или Профессор уже настучали? Рассказали историю про пробой во Времени? Ладно, будет ещё время разобраться. Риснём, а там посмотрим.

Попросил Ник у капитана лист бумаги, перьевую ручку, чернильницу да и написал – как велено было, с пяток клякс, правда, наставил с непривычки. Только про товарища Сталина упоминать не стал, побоялся, что неискренне получится, типа – с юмором, за прикол ещё сочтут и расстреляют.

Курчавый заявление внимательно прочёл, в сейф спрятал, пояснил с довольным видом:

– Начнём по порядку, чтобы логическая цепочка идеальной получилась. Объясняю, почему тебе повезло. Во-первых, попал ты в нужную камеру, причём – абсолютно случайно. Во-вторых, учишься в Горном Институте, что просто замечательно. В-третьих, с чувством юмора у тебя нормально. В-четвёртых, драться умеешь, общее физическое состояние отлич-

ное. В-пятых, песни славно поёшь, новые все, незнакомые, с мелодиями оригинальными... Излагаю доходчиво? Требуются уточнения, разъяснения?

– Доходчиво излагаете, – Ник согласился. – Только, вот, ничего я толком не понял. Что ещё за «Азимут» такой? И чем я там буду заниматься?

– А ты в Горном Институте – чему обучался?

– Ударное бурение, вращательное бурение, взрывное дело, специализация – рудные месторождения твёрдых полезных ископаемых.

– Золоторудные месторождения – в том числе?

– Ну да, конечно.

– Всё правильно, юноша, – улыбнулся Курчавый. – Этим архиважным делом и будешь заниматься – золото для страны искать. – И уже совсем серьёзно: – Всё, что я тебе расскажу, – совершенно секретная информация. Совершенно и безвозвратно. Расскажешь кому – расстрелом уже не отделаешься, всё будет гораздо хуже. Проникся? Тогда слушай... Война не за горами. Серьёзная война. С немцами, потом, возможно, ещё с кем-нибудь. Золото стране необходимо. Очень много золота. Ты что можешь про Чукотский регион сказать – по поводу его перспективности на предмет золотодобычи?

Ник много чего про чукотские золотоносные месторождения знал. Про те, которые в пятидесятых годах открывались, в шестидесятых, семидесятых. Но – тридцатые? Про такие он и не слышал, хотя и были, наверное. Поэтому ответил осторожно:

– Очень перспективный регион. Россыпного золота там должно быть не меньше, чем на Аляске.

– А жильное золото – реально найти? – капитан настойчиво смотрел Нику в глаза, словно бы ждал чего-то важного.

– Скорей всего, чукотское рудное золото находится на большой глубине, причем не в жилах, а распылено по различным горным породам. Причём, с содержанием – менее грамма на тонну этих самых пород..., – Ник усиленно вспоминал сведения *тамошних* учебников.

– Нет, – капитан разочарованно повертел головой. – Не устраивает нас этот вариант. Не устраивает... Жильное золото найти необходимо, и, желательно, у самой поверхности. Чтобы сразу – тонны брать. А ты говоришь – граммы...

Ник извинительно пожал плечами. Он-то точно *знал*, что жильного золота на Чукотке нет, да, вот, что-то не тянуло его этими знаниями с капитаном делиться, да и Вырвиглаз советовал язык попридержать.

– Тем не менее – продолжаю, – вновь заговорил Курчавый. – Есть определённые научные наработки. Трудятся уже на Чукотке наши товарищи. Только идёт дело у них ни шатко, ни валко. Нет прорыва. А нужен! Понимаешь? В последнее время там, ко всему прочему, целый ряд неприятных событий произошёл: несколько человек погибли, один бедняга даже сошёл с ума. Говорят о некоем страшном монстре. Но я бы и версию об иностранных диверсантах не сбрасывал со счетов... Такие дела, товарищ Никита. Для решения этой задачи – быстрого пополнения золотых запасов страны – и создана группа «Азимут». Сам товарищ Сталин дал соответствующее указание.

– Согласен, очень интересное и нужное дело, – Ник говорил совершенно искренне, даже слегка удивляясь в глубине души охватившему его азарту. – Я готов участвовать. Сделаю, что смогу, – и уже насквозь по-деловому, заинтересованно: – А кто ещё в нашу группу входит, сколько человек?

– На сей момент, – Курчавый опять улыбнулся, но на сей раз печально, – в группе три человека: я – командир, ты, соответственно, рядовой, ещё один имеется, – особист, куда же без них. Секретное постановление о создании «Азимута» было подписано только неделю назад, в самый канун праздников. Ничего, быстро людей наберём, это как раз совсем не

сложный вопрос. В камере твоей и собраны, по моей просьбе, товарищи, имеющие непосредственное отношение к Чукотке.

– Эти уголовники?

Капитан через стол перебросил Нику пачку «Беломора», следом ловко метнул коробок со спичками, пояснил:

– Уголовники тоже иногда нужны. Сизый и Корявые под Сусуманом в лагерях разных сидели. Многое знают про эти края, про местные реалии. Не обязательно, что всех их в группу включим, скорее всего – только Сизого, кстати, его фамилия – Сизых. Остальных разговорим, получим нужную информацию, вернём обратно – в места не столь отдалённые. Вырвиглаз В. И., доктор и профессор университетский, нам тоже очень будет полезен. Он ещё в двадцатые годы искал на Чукотке золотоносные россыпи, устанавливал советскую власть. Заслуженный человек, но откровенно глупый – местами. Много раз ему предлагали: смени имя-отчество, Христа ради, не подходит оно к твоей фамилии. Как это «Владимир Ильич» может быть – «Вырвиглазом»? Как, я тебя спрашиваю? То-то и оно, что никак. Упрямый он, наш профессор. Вот, из-за этой своей твердолобости и работает третий год на стройках народного хозяйства. Впрочем, должен признать: упрямство в нашем деле – тоже необходимо.

– А Шпала, он-то с какого бока? – поинтересовался Ник.

– Никакой он не «Шпала», – благодушно пояснил Курчавый. – Это и есть третий член «Азимута», старший лейтенант государственной безопасности, – Бочкин Ерофей. Очень способный юноша, далеко пойдёт. Не удивлюсь, если лет через десять-пятнадцать он всю нашу службу возглавит.

Ник улыбнулся про себя: приятно сознавать, что ты настучал по физии будущему главе всемогущего ведомства. До чёртиков, блин, приятно...

– Подытожим, – устало зевнул Курчавый. – Пора нам с тобой, Никита Андреевич, завершать прения. Достаточно лирики на сегодня. Сейчас тебя товарищи доставят в наш ведомственный пансионат. Это на берегу Ладожского озера, около мыса Морье. Знаешь такое место?

– Ну, да, – кивнул Ник. – Приходилось в тех краях рыбачить, и летом, и по зиме. Отличные места. Природа, свежий воздух, прочие прелести.

Капитан убрал все документы во второй сейф, достал из одежного шкафа длинную шинель толстого сукна, одеваясь, выдал Нику последние указания:

– Остальных, кого я в группу включу, тоже доставят в пансионат. Территория там охраняемая, так что, попрошу без глупостей: при попытке несогласованно покинуть территорию – будут стрелять на поражение. Пансионат – это наша опорная база. Там и ускоренные курсы по повышению квалификации откроем. Будете учиться разным полезным навыкам. Из своего Горного института, извини, конечно, ты уже отчислен – с завтрашнего дня. На этом на сегодня всё, любезно попрошу на выход...

За дверями дисциплинированно ждали оловянноглазые.

Все вместе поднялись на первый этаж, вышли во двор.

В небе пунцово догорал осенний закат, заметно подмораживало. Около ворот стояли два чёрных «воронка» с работающими моторами.

Курчавый взял Ника под локоть, отвёл чуть в сторонку и негромко проговорил, глядя прямо в глаза:

– Думаю, что не всё так просто с тобой, товарищ Никита Иванов. Совсем не просто. У меня память отменная, а вот анекдота твоего вспомнить не могу. Помню, что про Польшу, помню, что Ленин там фигурировал, и всё на этом. Да и песни твои – так, только в общих чертах припоминаю. Ни одной мелодии напеть не смогу. Это притом, что слух у меня – иде-

альный... Как такое может быть? А? Вот, и товарищ Бочкин в своём рапорте ту же странность отметить не преминул. Впрочем, потом про это поговорим, в свободное время. А вот – осень. Посмотри, поздняя осень кругом. Может, стихотворение прочтёшь, из нового? Порадуешь своего старого командира?

Ник улыбнулся и прочёл – с чувством:

Что такое осень? Это небо...
Плачущее небо под ногами.
В лужах разлетаются птицы с облаками...
Осень, я давно с тобою не был...

– Сильно, – согласился Курчавый. – Настроение осеннее просто отлично передано, на мой вкус. Ладно, братец мой, разъезжаем в разные стороны, к местам временной дислокации. До скорой встречи...

Глава третья

Ротмистр Кусков и первые потери

«Воронки», как и предполагалось, разъехались в разные стороны. Курчавый в свой сел, за руль непосредственно, первым ударил по газам.

А с Ником на заднее сиденье, по бокам, парочка телохранителей всё тех же уселась. Плотненько так спрессовали, добры молодцы. Ну, эти-то хоть молча ехали, а шофёр попался – не приведи Бог. Пожилой такой еврей, махровый – до невозможности. Всю дорогу себе под нос ерунду всякую бормотал: про «бедную Сару», про «несчастливого, глупого Мотю», про «грехи Израилевы». То ли сумасшедший, то ли просто дурочку ломал, как всем бойцам невидимого фронта полагается. Долго ехали, в объезд города, часам к трём ночи только добрались до места.

На пути возник высоченный забор, со сторожевой вышки по глазам ударил яркий прожектор. Старый еврей посигналил, через минуту ворота совершенно бесшумно отъехали в сторону. Внутри добротный дом-пятистенник стоял в середине участка, рядом с ним – несколько разномастных барачков, часовые – и тут и там. Прямо к крыльцу дома подъехали, вошли в длинные, скупо освещённые сени. Водитель разговорчивый, к радости Ника, остался в машине. С правой стороны коридора – несколько дверей, из крайней, чуть приоткрытой, кухней явственно пахло. С левой стороны – всего одна дверь, над ней табличка: «Спальный комплекс». Обрадовался Ник этой надписи просто несказанно. Спать хотелось до жути – в машине заснуть не удалось, сколь ни старался: безжалостно трясло на ухабах, свинцовые плечи соседей толкали синхронно с двух сторон.

Вошли в спальню: штук тридцать кроватей составлены идеальными рядами, застелены все с аккуратностью образцовой, на спинках – металлические шары знатные, как и полагается, фанерные прикроватные тумбочки рядом, стулья простенькие. На одну кровать – по одному стулу и тумбочке одной, соответственно.

Идиллия армейская. Для тех, кто понимает, конечно.

Ник прошёл в дальний угол, комбинезон свой злосчастный быстро стащил да и нырнул под одеяло. Ни о чём думать не хотелось, только краешком глаза успел заметить, уже засыпая, как один из сопровождающих направился к соседней кровати, а второй расположился на стуле – рядом с входной дверью. Плащ свой распахнул, сложил руки на груди, предварительно кобурку наплечную расстегнув. Понятное дело, бдиль приготовился – в соответствии со строгими инструкциями ...

Проснулся Ник в восемь ноль-ноль, от голоса командного.

– Подразделение – подъём! – бодро вещал голос. – Туалетные процедуры принять! Переодеться, к зарядке приготовиться! На всё про всё – даю пятнадцать минут!

Открыл Ник глаза: на пороге спального помещения стоял крепыш средних лет, одетый в чёрные сатиновые трусы и голубую майку, на ногах – сапоги кирзовые. С видом довольным донельзя, улыбка широченная, глаза радостные, лучистые.

– Спортивный инструктор Епифанцев, – представился крепыш. – Согласно местному распорядку дня, поступаете в моё распоряжение до десяти часов. Потом – следуете на завтрак. Прошу поторопиться, товарищи! Вот вам сменная форма одежды: трусы, майки, гимнастерки, брюки форменные, сапоги. Всё по размерам подобрано. Полотенца также приложены, портянки...

Рядом с весёлым крепышом стояло несколько картонных коробок и один из оловянно-глазых: заспанный, растрёпанный, в руках пистолет чёрный, визуально – браунинг. Видимо, заснул всё же, штафирка, теперь смущается.

Второй сопровождавший Ника спросил, высунув голову из-под одеяла:

– Извините, но нас это тоже касается? Ничего не путаете? Может, только товарища Иванова?

– Ничего не путаю, – продолжил от души веселиться спортивный инструктор. – Приказ капитана Курчавого. Вот, телеграфом пришло, – помахал над головой узкой бумажной лентой. – Торопимся, товарищи! Гражданскую одежду – в картонные коробки сложить, освободив их предварительно, понятное дело. Туалетная комната – напротив по коридору, через дверь от кухонной. Вопросы?

Молодцы, приставленные за Ником следить-наблюдать, ознакомились первым делом с содержанием телетайпной ленты.

– Мы включены в состав группы «Азимут», – сообщил один из них тусклым голосом. – В соответствии с полученным приказом, представляюсь: Кузнецов!

– А как же обещанная командировка в Испанию? – засомневался второй, но тоже представлялся: – Токарев!

Как бы то ни было, через пятнадцать минут все уже бежали по дорожке, проложенной по периметру забора, – в кирзовых сапогах, трусах и майках, следом за бодрым инструктором Епифанцевым.

Территория пансионата оказалась совсем даже немаленькой, периметр насчитывал более пяти тысяч шагов Ника. Намотали три «круга», благо погода способствовала: лёгкий минус, ясное небо, полное безветрие.

Потом последовали махи руками-ногами, приседания, прыжки различные, наклоны во все стороны. Напоследок – упражнения на турнике и брусьях.

Хорошая такая зарядка получилась, серьёзная, лет пять уже Ник свой организм не подвергал подобным нагрузкам. Устал, конечно, но и бодрость определённая образовалась, особенно после умывания ледяной водой и тщательного, до красноты, растирания торса вафельным полотенцем.

На завтрак прибыли уже в компании со зверским аппетитом.

Нормальный такой завтрак, взрослый: хлеб пшеничный, масло, икра красная, яйца вареные, колбаса настоящая – из мяса, без сои, напитки в ассортименте – чай, кофе, какао.

После завтрака занялись иностранными языками на солнечной веранде. Мымра седая, в цивильном, появилась, очочками сверкая. И давай тестировать – на знание английского и немецкого языков. Ник в школе и институтах *своих* немецкий изучал, а уже потом, во время занятия бизнесом, – английский. Так что некоторые зачатки всё-таки были, но не более.

Кузнецов с Токаревым полиглотами настоящими оказались, так шпарили, что мымра только цокала восхищённо.

Потом с ней же прошли занятия по психологии, тренинг, так сказать. Ничего серьёзного, практически – как в том анекдоте: «Идут две молоденькие девушки по улице. Одна из них мороженое лижет, другая кусает. Вопрос: какая из них замужем? Правильный ответ: та, у которой обручальное кольцо на пальце...».

Обед классический: первое, второе, компот из сухофруктов.

После обеда получасовой перерыв объявили, потом – чтение газеты «Правда», обсуждение прочитанного. Также нормальное мероприятие, если со скрытым юмором относиться, улыбку ехидную пряча старательно.

Дальше спортивная часть образования получила продолжение. Сперва пошли в тир, оборудованный в одном из барачков. Постреляли вволю: из пистолетов и револьверов, из

винтовок и карабинов, и даже из охотничьих ружей. По окончании стрельбы ещё минут сорок поучились ножи метать в цель.

Потом, в другом уже бараке, занялись рукопашным боем – под руководством всё того же Епифанцева. Надели самбистские курточки и давай на соломенных матах отрабатывать всякие приёмы. Тут уж Ник себя показал во всей красе: в спарринге Кузнецова и Токарева легко одолел, а вот Епифанцеву, после долгой схватки, всё же проиграл. Последний потом долго ещё к Нику приставал, мол: «А покажи ещё раз бросок через плечо с колена, удушающий ногами...»

К вечеру навалилась усталость, но приятная такая, дружащая с чувством выполненного долга.

Поужинали в меру плотно да и спать легли. Кузнецов по-прежнему – на соседней койке, а Токарев, видимо на всякий случай, выбрал себе кровать около самой двери. Всё же не на стуле, уже прогресс.

Утром и все остальные прибыли: капитан Курчавый, Лёха Сизый, профессор Вырвиглаз, Шпала – он же Ерофей Бочкин.

Ник с Курчавым поздоровался за руку, с Сизым и Вырвиглазом обнялся даже, обменялся похлопываниями по плечам. С особистом же – только кивками вежливыми взаимными ограничились. Оно и понятно: Бочкину до сих пор за полученную оплеуху обидно, Нику же с ним здороваться сердечно также нет охоты, с детства ещё отрицательное отношение к этой профессии было воспитано – бабушками и дедушками.

Выяснилось, что все точки над «и» уже расставлены, Сизый и Вырвиглаз приняты в «Азимут». Причём, даже уговаривать их особенно не пришлось.

– Мне Чукотка уже лет десять снится каждую ночь, – объяснил Вырвиглаз своё решение, переодевшись в военную «хэбешку». – С тех самых пор как уехал оттуда. Так что, какие сомнения? Ещё имеется одна важная причина – золото стране, действительно, необходимо.

– Да и мне своих корешей проведать, – Лёха поддержал, – совсем нелишним будет. Долги, опять же, ещё не всем в тех местах заплатил...

Услыхал это Курчавый, взъярился, раскричался:

– Отставить! Построиться в шеренгу по одному! Быстро, быстро у меня! По росту, мать вашу!

Построились минут за пять, всё ростом мерялись – кто кого выше. В результате Ник предпоследним оказался, за ним – только профессор минералогический.

Впереди всех – Сизый, всем беркутам орёл.

– Направо! Подтянуться, животы подобрать! – Курчавый продолжил выволочку. – Равняйся! Смирно! Вольно...

Прошёлся вдоль строя задумчиво, туда-сюда.

– Все вы теперь – сотрудники славного советского НКВД, находящиеся в сержантском звании, – заявил. – И вы тоже, товарищи из внешней разведки, – это он к Токареву и Кузнецову обратился. – Так надо, на время. Бочкин без изменений, старший лейтенант по-прежнему. Попрошу всех прекратить разговоры о «личной заинтересованности», о «долгах неотданных» и «счетах неоплаченных». Нет больше у вас ничего личного. Ни-че-го! Есть только общая цель, знаете уже какая. Понятно? А если понятно – разойтись! К текущим занятиям – приступить! В свободное от занятий время – сфотографироваться на удостоверения, Епифанцев распорядится...

Сам сел в «воронок» и усвистал куда-то.

Приступили к занятиям – по прежней схеме, с уклоном в физподготовку, стрельбу и метание ножей.

Один Вырвиглаз, по причине заслуженного возраста, в спортивных мероприятиях участия не принимал, всё за книжками умными сидел, благо, и библиотека хорошая в пансионате имелась в наличии – четвёртая дверь по коридору от кухонной.

Поздним вечером среды вернулся Курчавый, собрал всех в библиотечной комнате.

– Даю вводную, товарищи. Завтра в город выезжаем, в Горный институт. Во-первых, буровой станок уже доставили из Англии. Самой новейшей конструкции... – В бумажку заглянул, уточнил: – С «гидравлическим приводом». Вам, Никита Андреевич, знаком этот термин?

– Вполне, – Ник и не соврал нисколько. – Ничего хитрого: в замкнутое пространство машинное масло залито, поршни разного диаметра двигаются, вследствие разных диаметров поршней возникает гидравлический удар, как результат – многократное увеличение модуля силы, приложенной по определённом вектору. Не бином Ньютона, разберёмся.

– Очень хорошо, – капитан вздохнул облегчённо. – Вот, вы старшим по техническим вопросам и назначаетесь с этого момента. Завтра проведём полноценным приказом по группе. Во-вторых, по совету нашего профессора посмотрим одного студента – на предмет включения в «Азимут»... – Опять в бумажку заглянул. – Матвея Кускова, так?

– Всё правильно, – зачастил Вырвиглаз. – Очень способный в геологических науках молодой человек, прекрасные перспективы имеет для развития блестящей карьеры. Думаю, уже через год может приступать к написанию кандидатской диссертации.

– Это ежели не застрелят – по горячке нонешней, – нетактично влез Лёха, демонстрируя свою природную вредность.

Курчавый отреагировал мгновенно:

– А вы, товарищ Сизых, остаётесь на базе, вместе с сержантом Токаревым. Токарев – за старшего.

– Почему это я? – Лёха заартачился. Хотелось ему, наверное, вместе со всеми на авто прокатиться, на Ленинград полюбоваться, особенно – на ленинградок.

– Потому что приказ! И, вообще..., – капитан уже ко всем обратился. – Прошу запомнить: на задание группа в полном составе никогда не должна выходить, кто-то обязан оставаться в стороне. Всегда надо помнить, что в корзину с яйцами булыжник может упасть. У рачительного хозяина таких корзин несколько должно быть...

На следующий день на пробежку отправились только Лёха и Токарев – хмурые и недовольные. Остальные проследовали во флигелёк, пристроенный к основному дому.

А там – примерочная-костюмерная. Хмурый еврей, что раньше в роли шофёра выступал, всем подобрал гражданскую одежду, согласно указаниям Курчавого:

– Вы уж повнимательнее, Моисей Абрамович. Иванов у нас сегодня студентом будет, чтобы не входить в незнакомую роль. Кузнецов – мастеровой, сантехник или водопроводчик. Бочкин – милиционер, пусть старшина. Вырвиглаз – по должности своей профессорской. Я в своей повседневной форме поеду, только чуть щёткой пройдитесь...

Постарался Абрамыч на славу, за двадцать минут всех одел.

Ника даже загримировал, чтобы его никто из бывших сокурсников не узнал. Смешно, конечно, кто *здесь* его может узнать? Да, ладно, пускай уже.

Чёрный парик Нику на голову Абрамыч нахлобучил, усы густые приклеил над губой. Посмотрел Ник в зеркало: получился натуральный бригадир молдаванских шабашников, наглый и пройдошистый.

Выдал всем Курчавый пропуска в Горный и, уже на пиковый случай, корочки энкавэдешные, настоящие. Бочкину и Кузнецову ещё и по браунингу досталось.

Понятное дело, не вошли ещё Ник и Вырвиглаз в полное доверие.

«Перестраховка», – подумал Ник. – «Хотя начальству виднее. Ему, родимому, и отвечать, ежели что...»

Расселись по двум знакомым автомобилям. Кузнецов с собой ещё и саквояж потрёпанный прихватил – с инструментом специальным, наверное. Тронулись.

В город въехали, Ник головой во все стороны завертел: дома непривычно низенькие, людей на улицах совсем мало, одеты все – как в фильмах старинных, чёрно-белых ещё. Редкие автомобили навстречу попадались, вон лошадёнка шарабан на резиновом ходу потащила куда-то.

– Ну, какие впечатления? – небрежно поинтересовался капитан.

Подловил-таки! Нику промолчать бы, плечами пожав, мол, – обычные самые.

Так нет, находясь под впечатлением от увиденного, ляпнул неосторожно:

– Чистенько так. Бедненько, скромно – но чисто. Да и тихо неправдоподобно.

Опомнился и тут же заткнулся.

А Курчавый и ничего, не стал в тему углубляться, только под нос себе что-то недовольно пробурчал, типа:

– Ага-ага. Ну-ну, – и уже совсем что-то непонятное: – Волки, они очень умные, куда как редко ошибаются...

На двадцать четвёртой линии Васильевского острова остановились, не доехав метров триста до набережной. Вышли из машин, пешёчком, не торопясь, прогулялись до центрального входа. Девушки семенили навстречу: в пальтишках смешных, у некоторых на головах шляпки вычурные, у некоторых – косынки, платки пуховые.

Настоящие девушки, симпатичные и смешливые.

К центральному входу подошли, Ник по сторонам заозирался: в *его* времена тут всё было разрисовано белой краской – признаниями в любви выпускников к своей «альма-матер», а *тут* – ни единого следочка.

– Чего это вы, Никита Андреевич, высматриваете? – подозрительно поинтересовался Вырвиглаз.

– Да нет, это я так просто, – Ник даже засмутился. Больно уж важно Владимир Ильич выглядел в своей чёрной классической тройке – не то что профессор, академик целый. Министр натуральный. – Потом как-нибудь расскажу.

Друг за другом, с минутным перерывом, прошли через вахту, встретились в условном месте, около студенческой столовки.

– Диспозиция следующая, – негромко объяснил Курчавый. – Товарищ профессор, Иванов и Бочкин направляются на отлов студента. Бочкину, после означенного отлова, упаковать оно студента и доставить на базу. Задача ясна?

– Так точно, – шёпотом доложил особист, еле сдерживаясь от отдания чести.

– Мы с Кузнецовым следуем за документами и ключами от склада, где находится буровой станок. Встречаемся через час, возле кабинета ректора. Всё, по коням...

Подошли к кафедре родимой, у Ника даже сердце ёкнуло: «изменения» налицо, конечно, но и знакомое проступает повсеместно. Безлюдно было на кафедре, только из одной аудитории раздавался шум и гам, у дверей два хлопчика дежурили – с красными повязками на рукавах и с комсомольскими значками на груди. На дверях объявление: «Срочное собрание четвёртого курса! Обсуждение личного дела комсомольца Матвея Кускова!»

Похоже, вовремя приехали, в самый раз.

Бочкин сразу в карман форменный полез, за корочками, чтобы проход освободить. Но Вырвиглаз его небрежным жестом остановил, к тем красноповязочным подошёл, глянул строго, брови насупил, хлопчики и исчезли тут же, словно в воздухе растворились. Профессор на противоположную стенку кивнул, а там его портрет собственный висит, солидный

такой, значимый. Авторитет настоящий, он завсегда своё возьмет: и на зоне, и в заведении учебном...

Под портретом надпись была: «Вырвиглаз Владимир Ильич, профессор, доктор геолого-минералогических наук. 1875 —...». Смотрел Ник на портрет, смотрел, и вдруг вспомнил, что видел его уже, тогда, в 1987, когда в Горный поступал. Он и тогда висел на этом месте. Только, вот, даты там другие значились: «1875—1938».

И как теперь прикажете Вырвиглазу в глаза смотреть?

В аудиторию просочились тихонечко, пристроились на заднем ряду.

А в помещении спектакль настоящий разыгрывался, театральный. Зрители поближе к лекторской трибуне расселись, на трибуне оратор – вылитый Олег Кошевой из известного фильма. Рядом с трибуной, на стуле, парнишка сидел: простой совсем, только глаза – наглые и бесшабашные. В Русском Музее Ник такие глаза встречал, на портрете Дениса Давыдова.

«Кошевой» тем временем уже начал своё выступление, двумя листками бумаги размахивая:

– Вот, из милиции пришло уведомление: медицинский вырезатель № 7 сообщает, что четвёртого ноября сего года студент Ленинградского Горного Института – некто Кусков – был доставлен в означенный вырезатель в мертвецки пьяном состоянии. Через три часа проснулся и всю ночь громко орал матерные частушки. Что скажешь, Матвей?

– Не был. Не привлекался. Всё лгут проклятые сатрапы, – не очень-то и уверенно заявил Кусков.

– Ладно, – продолжил комсомольский вожак. – Из того же учреждения ещё одна справка пришла. В ней говорится, что всё тот же Кусков пятого ноября сего года был вновь доставлен, опять же в мертвецки пьяном состоянии. Через три часа проснулся и всю ночь громко читал вслух поэму «Евгений Онегин», естественно, в её матерном и похабном варианте исполнения. Матвей?

– Отслужу, кровью смою, дайте шанс, – голос Кускова непритворно дрожал.

В зале поднялся лёгкий шум, сопровождаемый негромкими смешками.

Ведущий собрания успокаивающе помахал ладонью свободной руки, в аудитории установилась относительная тишина.

– И это он совершил в канун годовщины Великого Октября! Впрочем, я к Матвею всегда с недоверием относился. Взять хотя бы его прозвище. Нет, я ничего против студенческих прозвищ не имею, традиции – дело святое. Но, что это за прозвище такое – «Ротмистр»? Контрреволюция натуральная получается. Предлагаю – из комсомола Матвея исключить! И поставить вопрос перед вышестоящими инстанциями об его выдворении из нашего института, со всеми вытекающими последствиями...

Тишина ещё набрала силы, только было слышно, как Кусков декламирует вполголоса:

– Пошлите же за пивом – денщика. Молю вас, о прекрасные гусары. А почему – вы в синих галифе? И для чего вам эти злые лица?

Раздался откровенный смех, восхищённый свист со всех сторон прорезал тишину.

Бочкин поднялся с места и направился прямо к лекторской трибуне, на ходу извлекая из кармана свою волшебную корочку. Подошёл к «Кошевому», продемонстрировал удостоверение в открытом виде, прошептал комсомольскому лидеру что-то на ухо.

Над аудиторией повисла уже полнейшая тишина, на сей раз – кладбищенская.

Бочкин проследовал к Кускову, повторил свои манипуляции. Тот посмотрел на особиста удивлённо и растерянно, но без видимого страха.

– Эй, Матвей! – подал Вырвиглаз свою реплику, руками замахал.

Кусков посмотрел в нужную сторону, узнал профессора и сразу же успокоился.

– Прошу продолжать, товарищи! – очень веско предложил Бочкин. – Надеюсь, что у ленинградских комсомольцев найдутся и другие, не менее важные вопросы для обсуждения...

Взяв Матвея под ручку, уверенно двинулся к выходу.

Все вместе вышли в коридор, Бочкин тут же себя с Кусковым наручниками ловко соединил.

– Приветствую вас, уважаемый Владимир Ильич, – вежливо поздоровался Ротмистр. – Не объясните ли, что всё это значит?

– После, Матвеюшка, после, – чуть смущённо ответил ему профессор, – Ты с товарищем поезжай, а я вечером обязательно подскочу, всё тебе объясню. Архиважное дело предстоит, архиважное...

Надо Кускову отдать должное: не стал кочевряжиться и права качать, – головой спокойно кивнул да и пошёл к выходу, Бочкина за собой таща.

– Тот ещё типаж, – прокомментировал Вырвиглаз довольно. – Выпивает только иногда без меры. Но кто, собственно, нынче без греха?

К кабинету ректора подошли в назначенное время, а там уже ждут: Курчавый, Кузнецов и мужичок с ними, по виду – типичный завхоз.

– Всё нормально? – поинтересовался Курчавый. – Тогда пошли посмотреть на чудо аглицкое.

По многочисленным коридорам вышли во внутренний двор. В дальнем углу – дверь массивная, железная, двустворчатая. Около двери застыл часовой с винтовкой, в военной шинели, на голове – будёновка. Больше ни души вокруг не было, только около мусорных бачков копошилась старенькая уборщица.

– Это что ещё такое? – нахмурился капитан.

– Это – баба Дуся, – смущённо пояснил завхоз. – Она на голову больна немного. Сумасшедшая, то есть, полностью. Но любят её студенты, не выгонять же.

– Ходят тут всякие, гадют.... У-у, суки! Всех убью! – громко выдала баба Дуся, не отрываясь от своего занятия.

Курчавый только рукой неопределённо махнул.

Подошли. Капитан часовому показал своё удостоверение, тот тут же проникся, отошёл в сторонку, козырнув предварительно. Завхоз нашёл нужный ключ, повозился с замком пару минут, отомкнул. С помощью Ника распахнул створки ворот. Скрип металлический раздался – мама не горюй, голуби шумно от мусорных бачков шарахнулись, закружили испуганно над головами.

За дверьми обнаружился просторный гараж, около входа – здоровенный картонный «ящик»: три на три и на три метра.

– Это только сверху картон, – пояснил завхоз. – А под ним доски, я гвоздиком ковырнул, на всякий случай. Ничего?

– Ничего, – милостиво кивнул Курчавый. – Вскрывать всё равно будем. В таком виде его на базу доставлять нельзя – внимание нездоровое можно привлечь. Возможно, разобрать придётся и перевозить по частям. Как, Никита Андреевич, справимся?

Не успел Ник ничего ответить...

Полыхнуло, вдруг, в гараже, жаром пахнуло так, что уши в трубочку свернулись.

Это бабушка-уборщица, божий одуванчик, подошла тихонько, пока все пялились на картонный контейнер, да и метнула в гараж нечто. Судя по всему, обычный «коктейль Молотова».

Ник от неожиданности присел на корточки, закрыл руками голову, отвернулся от жаркого пламени. Что дальше делать?

Секунд через пять опомнился, в сторону отбежал, осмотрелся.

Вон Кузнецов свой потрепанный саквояж раскрыл, достал большую ракетницу, вверх направил.

Хлоп, хлоп, хлоп – три красные ракеты улетели в небо.

Кузнецов ракетницу в сторону отбросил, выхватил браунинг из наплечной кобуры и побежал куда-то, за ним – красноармеец с винтовкой наперевес.

«Ага», – смекнул Ник. – «Это они за старушкой-диверсанткой припустили».

Тут ему на глаза попался водопроводный кран: торчит, родимый, в пяти метрах из кирпичной стены, рядом ведро валяется помятое.

Подбежал, только ведро в руки взял – пожар-то надо тушить, – выстрелы раздались хлёсткие, лупит кто-то шустрый – один выстрел за другим.

Ник, так ведра из рук не выпустив, кинулся к мусорным бачкам – укрытие, всё же, какое-никакое, затаился.

Прекратились выстрелы, вместо них сверху грохот раздался, как будто кто-то кувалдой бил по металлическому листу.

Выглянул Ник осторожно из-за бачка – человек бежал по крыше. В чёрном кожаном плаще, в шляпе широкополой, только со спины его Ник и рассмотрел. Через несколько секунд нырнул человек в открытый люк мансардный и пропал.

Блин! Был бы пистолет – запросто срезал бы мерзавца, метров семьдесят пять всего-то и было до него...

Взгляд вниз перевёл – три фигуры в отдалении застыли на земле.

Подбежал к первой: часовой давешний лежал на спине, будёновка в сторону отлетела, синие глаза неподвижно смотрели в небо, шинель на груди, с левой стороны, потемнела.

В пяти шагах от красноармейца Кузнецов прикорнул, лицом вниз. Перевернул его Ник осторожно: та же история, прямо в сердце прилетела пуля.

К телу уборщицы подошёл – лучше бы не подходил: несколько пуль попали ей прямо в лицо, месиво получилось сплошное, кровавое.

Бросился Ник обратно – как там капитан с профессором?

Курчавый стоял на том же месте, где его вспышка в гараже застигла, отвернулся только от жара пламени. Стоял – словно заморозили его, неотрывно смотрел в землю.

– Что же ты, Пётр Петрович? – заорал Ник, отчаянно дёргая капитана за рукав. – Будь у меня пистолет, достал бы я того гада! Всех он убил, и Кузнецова, и часового, и старуху! Чего стоишь-то? Делать-то чего?

Ответил Курчавый только через полторы минуты, голосом тусклым, практически – мёртвым:

– Всё равно уже, Никита. Всё – всё равно. Без станка этого мы с тобой и не нужны никому. Трибунал всем обеспечен. Всенепременно. Не доглядели. Не уберегли. Всё, конец «Азимуту».... Застрелиться, что ли?

– Я на вашем месте, уважаемый товарищ капитан, не стал бы торопиться, – посоветовал Вырвиглаз – спокойно так, буднично. – Пожар-то закончился. Судя по внешнему виду упаковочного материала, оборудование ваше не пострадало...

Глава четвёртая Миражи, смерть обещающие

Обернулся Ник, и точно – полностью пожар прекратился, даже дыма нет. Стоит себе картонная «коробка» – цела и невредима, разве что почернела местами. Вырвиглаз уже к ней вплотную подошёл, завхоз ковырялся какой-то палкой в почерневших местах.

– Как же это так? – хрипло выдавил из себя Курчавый, ничего не понимая. – Почему же это? А, Никита?

Ник почесал в затылке и высказал своё предположение:

– Эти западноевропейцы – хитрые до полной невозможности и предусмотрительные до стойкого отвращения. Не иначе, картон этот был пропитан каким-то специальным противопожарным составом: верхняя плёнка обгорела, выгорел весь кислород в гараже – вот, пожар и закончился.

Во двор ворвалась разномастная людская толпа: одна половина в тёмно-синей форме, другая – в штатском. Впереди всех бежал натуральный английский денди: в элегантном костюме, на голове – шляпа фетровая, умопомрачительная, антикварная тросточка в руках.

– Старший лейтенант Ливанов, – доложил денди, тяжело дыша. – Прибыл с вверенным мне личным составом по сигналу тревоги. Жду ваших приказаний.

Подстраховался, выходит, Курчавый. Ждал чего-то или просто так, по привычке?

Капитан тем временем уже полностью пришёл в себя, начал приказы чёткие отдавать:

– Лейтенант, обеспечить охрану объекта! Людей расставить, на крышу послать несколько бойцов!

– Я люк покажу, куда тот, в чёрном плаще, улизнул, – вмешался Ник.

– И это тоже, – согласился Курчавый. – Пусть кто-нибудь проверит, хотя поздно уже. Стопроцентно успел уйти. Кстати, Ливанов, есть ли среди ваших людей мастеровые в прошлом, с железом умеющие работать? Слесари, токари, фрезеровщики?

– Так точно, есть, – браво отрапортовал лейтенант. – Двое с Путиловского завода, слесари высшей квалификации, полгода как мобилизовали по партийной линии.

– Вот, в его распоряжение предоставьте, – капитан на Ника кивнул. – Пусть оборудование разберут, в ящики сложат – чтобы вручную грузить-разгружать можно было. Как закончат, незамедлительно эти ящики на нашу базу доставить, под усиленной охраной. Всё ясно?

– Всё! – заверил лейтенант и уже не так уверенно: – А с трупами что делать? Куда их?

Следом за Курчавым подошли к телам. На трупы красноармейца и Кузнецова капитан только мельком глянул, зато около тела бабы Дуси присел, осмотрел обстоятельно, руку протянул, за патлы сальные дёрнул – волосы у него в руке и остались. Парик, оказывается. А под ним – затылок стриженный, мужской.

– Как я и предполагал, – подытожил. – Не простой враг нам попался. Зверь натуральный, матёрый. наших товарищей – прямо в сердце уложил, а своему «ряженому» – пять пуль выпустил в лицо, чтобы опознать невозможно было... Значится так, лейтенант, трупы – в *наш* морг доставить, там с ними разберутся. Завхоза арестовать – и в *наш* изолятор. Всё, выполнять!

Резко развернулся и на негнущихся ногах, неуклюже, словно загребая невидимый снег, пошёл к выходу.

Разборка станка на составные части заняла почти сутки, без сна, с редкими перерывами на перекус. Помощники-то Нику толковые попались, с опытом работ, да вот гайки английские – они все в дюймах, не подходят к ним ключи отечественные, хоть убей. Намучились

с ними, даже пришлось пару самопальных ключей наспех изготовить, в институтской слесарной мастерской.

Справились, короче говоря. Масло из гидравлической системы слили – целых два бидона молочных получилось, шланги резиновые все сняли, сложили в отдельную коробку. После уже и остальное «железо» разобрали, запаковали в деревянные ящики. Двадцать восемь ящичков получилось. Хотел Ник спать завалиться, устал всё же, ночь на дворе, да не дал Ливанов, мол: «Велено сразу, как закончите, двигать на базу...»

На рассвете загрузились в три полуторки, двинули на родную базу, согласно полученному приказу.

В ворота въехали, Ник спрыгнул возле избы, а машины проследовали дальше, к очередному барaku, на разгрузку.

Вошёл Ник в избу, в спальню заглянул – ни души, а из кухни-столовой доносятся приглушённые голоса. В туалетной комнате быстро освободился от грима, умылся наспех.

В кухне за столом сидели Курчавый и Вырвиглаз, завтракали и лениво переругивались между собой.

Понятно, остальные на утренней зарядке быть изволят, в соответствии с утверждённым распорядком дня.

Доложил всё честь по чести: так, мол, и так, задание выполнено, груз доставлен, по частям составным, как и было велено.

Капитан его похвалил:

– Молодцом, Никита Андреевич. Показал себя с самой наилучшей стороны. Не ошибся я, братец, в тебе. Позавтракай сейчас и спать отправляйся. Освобождаю тебя сегодня от всех занятий.

Налил Ник в большую эмалированную кружку кофе, бутербродов разных наделал. Красную икру на очередной намазывая, поинтересовался:

– У вас что нового, товарищ капитан? Прояснилось что-нибудь?

– Что, собственно, проясниться может? – нахмурился Курчавый. – Нашли на чердаке плащ, шляпу, чёрные очки, карабин с оптическим прицелом. А толку? Ясно, что диверсия. Ясно, что произошла утечка информации. Где, вот, только? Завхоза допросили, причём очень серьёзно, – нет, не здесь. Сейчас в порту наши сотрудники работают – на складском терминале, с таможенниками. А если утечка там произошла? – показал пальцем в потолок. – В Москве? Тогда что делать прикажешь?

Что тут подсказать можно? Промолчал Ник, едой занялся, благо всё произошедшее на его аппетит никак не повлияло.

Через пять минут затопали в сених, широко распахнулась дверь, недостающие члены группы ввалились в столовую, голые по пояс, полотенцами на ходу вытираясь. Снегом сразу запахло, морозцем лёгким, колодезной водой.

– Ура! – тут же Лёха Сизый заорал и полез к Нику обниматься. – Жив, чудило парашютное! А мы тут совсем заскучали – без твоих песенок-незапоминашек...

С Токаревым и Бочкиным Ник за руку поздоровался. Тут в открытую дверь ещё один человек вошёл – весь потный, дышит тяжело, такой впечатление, что помирать собрался.

Ага, это же Матвей Кусков, он же Ротмистр. Да, видимо после возлияний алкогольных, регулярных притом, тяжело переносить физические нагрузки.

Ротмистр отдышался немного, пот с лица смахнул и удивлённо уставился на Ника, словно хорошего знакомого увидел – в месте совершенно неожиданном.

– Никитон? – спросил неуверенно.

Вглядывался в Ника, вглядывался, потом извинился:

– Ой, я обознался, кажется. Больно уж вы на Никиту Иванова похожи, прям одно лицо. Только у того шрам на левой скуле был, а на макушке – клочок волос рыжих с проседью.

– Да нет, всё правильно, – вмешался Курчавый, строго так, в голосе – металл сплошной, металлический. – Это он и есть, Иванов Никита Андреевич. Ваш, Матвей, бывший сокурсник. Так что здоровайтесь без сомнений и давайте завтракать. Времени терять не стоит, график у вас сегодня плотный.

Матвей руку крепко Нику пожал и дисциплинированно принялся за еду – с видом спокойным и невозмутимым. Чего-чего, а самообладания ему, похоже, было не занимать.

Хотел Ник уже спать отправиться, да тут Сизый, чавкая очередным бутербродом, интересный разговор начал:

– Вот вы, Пётр Петрович, говорите, что информация о станке могла через порт уйти, через Горный там, даже через Москву. А через нас что, не могла?

– Поясните, уважаемый, сделайте одолжение, – лениво так Курчавый отреагировал, явно не веря в то, что Лёха может что-нибудь путное поведать.

Сизый, впрочем, и не смутился ничуть.

– В то утро, – лоб наморщил, словно вспоминая о чём-то усиленно, – мы с Токаревым на пробежку отправились, а вы все – к Моисею Абрамычу, на переодевание. А после, вы уже минут двадцать как уехали, видел я, как этот Абрамыч, морда пархатая, к воротом двигался, явно на выход. Может, тут оно всё и зарыто, дерьмецо изменное?

Капитан молча встал и вышел торопливо из столовой: впереди – вид его озабоченный, следом – он сам, непосредственно.

– Как это понимать? – поинтересовался Вырвиглаз. – Вы ведь, Алексей, мне сами рассказывали, что в блатной среде «стучать» не принято. Что, «перекрасились» уже? Извините за грубое слово.

– Ничуть не бывало. – Лёха совсем не обиделся. – Просто этот хрен старый, Моисей Абрамыч то бишь, рассказал мне по секрету, что, мол, Корявых-то не на кичу обратно отправили, а шлёпнули в тот же день. И вид у Абрамыча при этом был – довольный до невозможности, как у обезьяны цирковой, обожравшейся ворованными огурцами.

– Тогда прошу принять мои извинения, – тут же проникся Вырвиглаз. – Это в корне меняет дело. Тогда – так ему и надо. Пусть сам в этой шкуре побывает, может, и поумнеет. Если выживет, конечно...

«Всё, больше не могу», – подумалось Нику. – «Надо к спальне двигать, иначе прямо здесь усну...».

Дальше дни закружились – один за другим, в порядке плановом. Занятий, правда, меньше стало: стрельба, рукопашный бой, из языков только немецкий остался, вместо психологии – взрывное дело, дополнительно – основы шифрования (и дешифрования, соответственно). Все вместе только до обеда занимались, потом уже специализация начиналась. Вырвиглаз в библиотеке заседал, Сизый с Токаревым в тире или в спортивном зале занимались дополнительно, Бочкин и вовсе исчезал в неизвестном направлении, а Ник с Ротмистром сосредоточились на буровом станке.

Сперва полторы недели собирали его – вдумчиво, предназначение и устройство каждого механизма стараясь понять, потом к реальным испытаниям стали готовиться.

Удивительно, но *ту* свою жизнь Ник почти и не вспоминал. Чего там вспоминать? Суматоха, вечная гонка: то за деньгами, то от кредиторов. И с женой в последние годы совсем не ладилось, как говорится, страстная любовь и бизнес активный – вещи совершенно несовместимые.

Вот, дочка только часто снилась. Славная такая девчушка – добрая, ласковая, кудряшки светлые. Ручонки свои тянет: «Папа, папа, почему ты не приходишь?»

Тоска, хоть на стенку лезь!

А в остальном ему *тут* даже больше нравилось: делом занят серьёзным, товарищи хорошие рядом – таких *тами* не было вовсе, так – сплошные жулики и карьеристы...

Занятым пареньком Матвей оказался: с одной стороны – шпана обычная, бестолковая, а с другой – романтик законченный. Мог часами рассказывать о путешественниках знаменитых, о своём желании объехать весь мир вдоль и поперёк, о каком-то там ветре странствий и тому подобных глупостях.

А ещё было у него какое-то трепетное отношение к временам гусарским, к событиям Отечественной Войны 1812 года. Всякие байки и анекдоты о гусарах травил безостановочно, вечерами, отобрав у Ника гитару, романсы пел душещипательные – с надрывом, в том числе, и собственного сочинения.

Как-то Ник поинтересовался у Ротмистра происхождением его прозвища, действительно для тех времён небезопасного – на раз-два в контрреволюции могли обвинить.

– Да случайно всё получилось. – Матвей усмехнулся. – В самом начале первого курса дело было. Первая лекция называлась – «введение в специальность». Борис Борисович, заведующий кафедрой, её читал. По-нашему – «Бур Бурыч». Ну вот, забрался он на трибуну и грузит, мол: «Если совсем коротко, то буровики – это гусары нашего славного Горного Института. Вот так – и ни больше, и ни меньше. И в плане – вина, да и в плане дам – также. Кстати, а какие правила гусары соблюдают неукоснительно и скрупулезно? Кто ответит?» Я тут же руку вверх поднял. Встаю и отвечаю: «Ваш вопрос, уважаемый Борис Борисович, прост до невозможности. И ответ на него давно, ещё со времён Дениса Давыдова, известен широким массам. Во-первых, это «гусар гусару – брат». Во-вторых, «сам пропадай, а товарища – выручай». В-третьих, «гусара триппером не испугать». В-четвёртых...» Ну, короче, ещё пару предложений славных выдал. Удивился Бур Бурыч, ну, и представиться меня попросил. Я и выдал: «Матвей Кусков, в душе – гусарский ротмистр». Вот, с тех пор оно и пошло, все стали меня «Ротмистром» называть. А, что? По мне, так весьма достойная кликуха...

Ник, в свою очередь, Матвею рассказал свою историю.

Самое удивительное, что тот в неё поверил – сразу и безоговорочно.

– Ух, ты! – вздохнул завистливо. – Надо же, как оно в жизни бывает. Везёт же некоторым. Мне бы в тот коридор, а оттуда – сразу к Денису Давыдову, в жизнь гусарскую: битвы, дуэли, балы...

Мальчишка, одно слово.

Владимир Ильич Вырвиглаз, заслуженный доктор и профессор, также проявил себя как человек неординарный, мечтательный и трепетный – в глубине души. В редкие минуты общих вечерних посиделок, когда слово ему предоставлялось, рассказывал душещипательные бесконечные истории – о любви, сентиментальной и нежной. Такой, вот, Рыцарь – Верной, но Несчастной Любви.

Время шло. Приближалась весна.

– Скоро уже поедem, – обещал Курчавый и загадочно добавлял: – Полетим, вернее, товарищи... Эх, полетим!

У Ника с Ротмистром всё уже было готово: станок полностью изучен и освоен, метров сто уже набурили – в самом дальнем конце двора.

Ещё на металлическом заводе Ник наделал буровых коронок: пятьдесят штук, в полном комплекте – с расширителями и кернорвательными кольцами.

Не простых коронок, алмазных! Курчавый лично в Москву выезжал за алмазами, получал в ГОХРАНе. Потом рассказывал, как о тех коронках лично товарищу Сталину доклад делал. Может, и правда, хотя и приврать мог запросто – для поднятия боевого духа коллектива.

Два месяца Ник безвылазно на заводе провёл, ночевал прямо в цеху. А что сделаешь? Только когда Ник *лично* участие в работе принимал – получалось всё. Стоило отъехать, оставив чертежи и инструкции, тут же всё в тартарары летело, сплошной брак пёр.

Видимо, не хотело *то* время секреты свои *этому* времени отдавать, то же самое, как с разными песенками и анекдотами.

Однажды ночью, когда Ник у печи плавильной готовые коронки освобождал от графитовых форм, показалось, что наблюдает за ним кто-то. Пристально так, старательно. Резко обернулся: действительно два жёлтых огонька сверкнули за стеллажом и погасли тут же. Волчьи те глаза были, Ник в этом был совершенно уверен. Хотя откуда взяться волкам – в заводском цеху?

Ротмистр тогда тоже хотел с Ником на завод поехать, да Вырвиглаз не пустил. Плотно Матвея в оборот взял, заставил непосредственно геологией заниматься, мол, для этого в «Азимут» и привлекли. Сутками они теперь вдвоём в библиотеке безвылазно сидели, обложившись картами геологическими. Только и слышно было: «Палеозой, мезозой, габро-диабазы, сопутствующие породы...»

В середине марта капель с крыш всюю зазвенела. Так хорошо вокруг стало, воздух – амброзия весенняя. На рыбалку захотелось – хоть немного отдохнуть, развеяться чуть-чуть.

Подошёл Ник к Курчавому с просьбой, а тот и разрешил неожиданно, видимо, в качестве поощрения за достигнутые успехи.

– Ладно, – проворчал себе в усы. – Сходи, вспомни свою юность, вот и Матвея Ивановича с собой возьми. Совсем замучил его Вырвиглаз, пусть подышит юноша свежим воздухом. В его возрасте это очень полезно.

Показалось, или он действительно небольшое ударение на слове «*свою*» сделал?

Намекал на что-то?

Епифанцев доставил из ближайшей деревни два ящика рыбацких, самодельный коловорот, удочки, прочие снасти, палатку, банку червей – для наживки.

Решили не медлить. Лёд на Ладоге ещё надёжным был, но стоит на недельку-другую припоздниться – и искупаться в ледяной воде запросто можно.

Ник решил к Зеленцам идти. Зеленцы – это острова в двадцати километрах от берега, во время войны через них Дорога Жизни *проходила*. В смысле – ещё *будет проходить*.

Можно было, конечно, и к Кариджскому маяку сбегать, тоже место почётное. Часа четыре до него по торосам добираться, но окуни там ловятся – по килограмму и более, да и щуки крупные попадаются иногда. Но под Зеленцами гораздо лучше, плотвы отборной там можно надрать – сколько унести сможешь.

Как только за окнами начало сереть – тронулись в путь. Экипировались знатно: валенки, свитера верблюжьей шерсти, полушубки специальные – с карманами во всех местах. В левый верхний внутренний карман ракетница сигнальная помещалась, в правый – браунинг, в левый нижний – нож метательный, бельгийский.

Приказ Курчавого, ничего не попишешь, бережёного – Бог бережёт...

Лёгкий морозец, хрустящий снежок под подошвами валенок, в небе – одинокие редкие звёздочки.

Ник достал компас, наметил курс – на одну из них, совсем крохотную.

Шагалось на удивление легко, под ногами монолитом лежал прочный наст.

Заметно посветлело, прямо по курсу вошло неяркое белёсое солнышко. Но ненадолго – неожиданно опустилась туманная дымка.

Через четыре часа Ник решил остановиться, всё равно в таком тумане островов не найти, и компас не поможет.

Быстро поставили крохотную палатку, зажгли две маленькие свечи, предварительно размещённые в пустые стеклянные банки.

– Гениальное изобретение, – прокомментировал Ротмистр через десять минут, неожиданно извлекая из внутреннего кармана полушубка полулитровую бутылку водки. – На улице минус пятнадцать, а у нас – плюс пять, не меньше, красота...

«Вот же, засранец! – восхищённо подумал про себя Ник. – И где только умудрился спиртное достать?».

Ругаться и мораль читать не стал, конечно. Выпил с Ротмистром по рюмашке – из кружки алюминиевой, от второй предложенной благородно отказался, пусть уж Матвею больше достанется. Небось, истосковался дурачок по спиртному, месяца три уже ничего в нос не попадало. Ротмистр прямо из горлышка допил остальное, влез в спальный мешок, извлечённый из рюкзака, и преспокойно заснул, напоследок пожелав Нику удачи.

Да, тот ещё рыбачок!

Ник потихонечку рыбачил, сверля лунки в значительном отдалении от палатки: он Ротмистру шумом – от буримых лунок – спать не мешал, Ротмистр же ему – своим храпом – рыбу ловить. Рыбка ловилась потихоньку: плотвичка, окуньки, даже щурок один попался.

В природе вдруг начало происходить что-то странное. Ушёл туман, резко потеплело, даже дождик мелкий начал моросить. А вот и Зеленцы – с километр всего не дошли.

Откуда-то издали прилетел странный шум – будто скорый поезд следовал по ладожскому льду. Звук становился всё громче, уже стала видна приближающаяся со стороны островов тёмная фигура неясных очертаний. Через пять минут Нику стало ясно, что это здоровенный лось: голову рогатую к небу задрал и чешет – прямо на него.

– Стой, зараза! – Ник громко закричал, совсем не желая оказаться под массивными копытами.

Зверь остановился и уставился на Ника совершенно ошалевшими, дикими глазами.

Ник громко захлопал в ладоши, засвистел, лось испуганно присел, сделал неслабую кучу, развернулся на девяносто градусов и гордо, закинув массивные рога на спину, с закрытыми глазами, удалился в ледяные просторы, в направлении, противоположном берегу. Тут же Ник вытащил крупного хариуса – рыбу в этих местах редкую.

«Не иначе, весна по-настоящему пришла, вот природа и опьянела немного», – подумалось сразу.

К вечеру проснулся Ротмистр, на удивление бодрый и весёлый.

Настала очередь Ника подремать пару часиков перед ночной рыбалкой.

Проснулся он от шума усилившегося ветра. Зашнуровали спешно палатку, прикормили лунки, заранее просверленные внутри. Хорошо было в палатке: тепло, негромко трещали свечи, а снаружи ветер безумствовал, крупный дождь стучал по натянутому брезенту.

К утру наловили килограмм пятнадцать-двадцать разной рыбы, даже взяли пару сигов.

Пора и к дому. Дождь стих, сквозь редкие сиреневые облака проглядывало весёлое солнышко, дул тёплый ветерок.

Свернули палатку, тронулись в обратный путь. Ротмистр шёл первым, вдруг резко остановился и удивлённо произнёс:

– Смотри, Никита, берег-то – бежит...

«Не иначе, заначку где-то припрятал, гад, глотнул перед отходом, вот и развезло на старые дрожжи», – решил Ник.

А потом присмотрелся – и правда, береговая линия, еле видимая вдали, начала плавно стираться зигзагами, как будто и впрямь – бежала. Вот, и мыс Морье растворился, и маяк береговой пропал куда-то. Впереди, до самой линии горизонта, – только снежные торосы.

Обернулся Ник назад: и линия береговая, и маяк находились позади, где быть им совсем не полагалось. И сиреневое всё какое-то, ненатуральное.

Остановились, понятное дело, перекурили.

Не помогло. Продолжались разнообразные безобразия.

Был один маяк, потом стало два, три, десять – надоело считать, плюнули.

Потом глядь, слева, вдалеке, параллельным с ними курсом двигалось океанское судно – большое, только сиреневое, фиолетовые блики от иллюминаторов рассыпались во все стороны веером. Красиво – до жути.

Красота красотой, а к дому двигаться надо. Решили миражам тем не верить, а курс держать согласно здравому смыслу, то есть – по компасу.

– Плохо это, – неожиданно помрачнел Ротмистр. – Совсем плохо. Мне год назад цыганка одна, древняя такая, на Московском вокзале предсказала: «Бойся миражей сиреневых! Они с твоей смертью рядом ходят!» Чего делать-то теперь? Не хочется мне, ей-ей, помирать...

Успокоил его Ник как мог, посмеялся даже над такой глупостью.

– Что тут сделаешь? – Ротмистр вздохнул смущённо. – Мы, гусары, верим во всякое: и в приметы, и в предсказания. Так уж повелось, не нами придумано. Думаешь – пронесёт на этот раз?

Через час из-за очередного тороса показались три мужика. Обычные мужики, только сиреневые, опять же. До них метров двести было, шли в том же направлении.

Неожиданно у мужиков пропали головы, а ещё через минуту – одни только ноги брели куда-то обреченно, чуть погода и вовсе никого не было впереди, только торосы голубоватые.

В небе, прямо у Ника над головой, медленно и совершенно бесшумно пролетел сиреневый самолёт – гигантский кукурузник. За штурвалом располагался сиреневый улыбчивый лётчик, рукой ещё помахал, сволочь...

Конец света какой-то. Бред пьяного телёнка в чукотской тундре, на исходе ночи полярной.

Неожиданно всё прекратилось: сиреневые облака ушли куда-то, оптический обман прервался – надолго ли?

Впереди, уже недалеко совсем, берег с маяком, позади – трое давешних мужиков безголовых, но сейчас – с головами. Догнали постепенно.

– Видали? – заорал идущий первым молодой краснощёкий здоровяк в овчинном тулупе. – Миражи-то в этом году какие – просто блеск! Сахара знаменитая, к такой-то матери, отдыхает. Вас, ребята, кстати, сперва шестнадцать было, потом – восемь, четыре, а теперь вот – двое. Вы-то хоть – настоящие?

– Да вы сами ещё недавно без голов вовсе разгуливали, что тот всадник в пампасах, – парировал Ротмистр.

Дальше вместе уже пошли. Вояками те мужики оказались, из зенитного подразделения, что располагалось севернее пансионата. У них, видите ли, проходил чемпионат части по подлёдной рыбалке, аж двенадцать человек участие в нём принимали, да вот остальные девять затерялись где-то, в весенних миражах ...

К берегу подошли, тут тропа раздваивалась. Мужикам – направо, вдоль берега шлёндать ещё километра два. Нику с Ротмистром – прямо, до базы метров четыреста оставалось всего, по мелколесью сосновому.

Распрощались с зенитчиками, разошлись в разные стороны.

Вечернее солнышко собралось на боковую, укутавшись в одеяло облаков. К холодам – надо думать. Стая соек торопливо перепорхнула через тропу. Дятел где-то застучал, лениво так, словно бы нехотя.

Или – не дятел?

Макушку Ника что-то обожгло, тёплое за шиворот закапало. Да какой, к чертям свинячим – дятел? Это же выстрелы!

Упал Ник в ближайший сугроб, из левого верхнего кармана выхватил ракетницу, вверх направил, на спусковой крючок нажал. Потом ракетницу за пазуху запихал – казённое имущество, всё-таки, достал браунинг. Только, вот, стрелять-то куда? Тишина вокруг...

Недолго тишина продержалась – взвыла неистово сирена на базе, даже уши заложило, следовательно, и подмога скоро придёт.

Полежал Ник в сугробе пару минут, шапку сбросил, приложил к ране горсть снега.

Ерунда – по касательной прошло.

Выглянул из сугроба – что там с Ротмистром?

Матвей лежал в десяти-двенадцати метрах, скорчившись как-то странно, будто обиженный ребёнок.

Подполз к нему Ник, ладонь к губам приложил – нет, не дышит.

Стал щёки растирать снегом, вроде задышал малец, заворочался, глаза открыл.

– Никита, – зашептал горячо, – видел я этот туннель чёрный, с белым пятном в конце....

Видел.... Вот только – не выбраться мне оттуда, не судьба.... Ты, это, если Дениса Давыдова увидишь... как-нибудь... то Расскажи ему... обо мне...

Прошептал и умер...

Глава пятая

Рыженькая Мэри, или Долгий путь до Магадана

Закрыл Ник мальчишке глаза, сел на подтаявший снег да и завыл протяжно – в унисон с сиреной базы.

Мальчишку-то – за что? Понятное дело, что большие дяди в свои игры играют: жильное золото, переносы во времени, войны предстоящие, плащи и кинжалы в ассортименте. Всё это понятно, до рвоты.

Но мальчишка-то – при чём здесь? Жил себе – не тужил, в институте учился, мечтал о дальних странствиях, на гитаре тренькал...

Суки вы все драные, ненасытные!

Курчавый в срочном порядке усилил охрану базы: два взвода солдатиков прибыло с Ливановым во главе, откуда-то даже парочка танков подтянулась. Прочесали солдаты всю округу, но никого не нашли, только следы нечёткие обнаружили в сосняке да на льду Ладоги, уже в отдалении от пансионата, – свежие колеи от мотонарт.

Опять ушёл, гадёныш, сделал своё дело чёрное и растворился в миражах...

Оперативно провели эвакуацию: буровой станок быстро разобрали, его составные части и отдельные детали сложили в специальные, заранее пронумерованные ящики, потом подошёл целый караван полуторок, загрузились всяким разным, что могло пригодиться в долгом путешествии.

Прибыли под надёжной охраной на окраину посёлка Сиверский, где находился военный аэродром.

– Даю вводную, – объяснил капитан. – Отсюда и полетим. Вообще, по первоначальному плану, мы должны были добираться до Владивостока на поезде. Дальше – судном до Магадана, там расположен наш оперативный штаб. Но после всех этих нападений и проколов решение изменено: дальше полетим – вдоль береговой линии Северо-Ледовитого океана. Ленинград – Архангельск – Нарьян-Мар – пара аэродромов военных – Магадан. Для конспирации. Может, и удастся сбить врага со следа. Нам Правительство выделило самолёты самые современные: те, приземистые, – это АНТ-4, а вот этот, длинный, – американского производства, «Флейстер». Приказываю всякие ненужные разговоры отставить. Через неделю вылетаем. Всем подобрать тёплую одежду, экипироваться в соответствии с климатическими условиями маршрута. Расписание лётное – кто на каком самолёте летит, – у старшего лейтенанта Ливанова. Извольте ознакомиться...

Нику именно на этом «Флейстере» и выпало лететь – вместе с Токаревым и тонной различного груза, включая буровые алмазные коронки.

Экипаж самолёта состоял из троих несуетливых мужиков – в компании со своеобразным юмором. У командира экипажа ещё имя такое смешное было – Маврикий. Где-то уже Ник его слышал. Напрягал память, напрягал – вспомнил, всё же: это же Маврикий Слепцов, из тех, кто челюскинцев с льдины спасал, герой Советского Союза. Солидно. Значит, наверху на «Азимут», действительно, возлагают большие надежды.

А, вот, Ротмистра жалко до слёз. Славный был парнишка. Как-то теперь без него? Кто романсы гусарские будет петь?

На замену Матвею прислали Гешку Банкаина, недавнего выпускника Университета, из буровиков. Тоже абсолютно нормальный парень, может, и заменит в коллективе погибшего, пусть не сразу, со временем. Гешка умел говорить голосами известных людей, бесподобно

хрюкал, выл по-волчьи, лихо выдавал красивейшие соловьиные трели, отлично знал английский язык и кучу анекдотов, связанных с англичанами и шотландцами.

Вылетели на четырёх самолётах: Ник с Токаревым, Бочкин с Сизым, Вырвиглаз с Банкиным, Курчавый – сам по себе, точнее, с собственной лысиной вдвоём.

Высоту постепенно набрали, заметно похолодало, воздух стал более разряженным, участилось дыхание. Терпимо, в общем, болтало только прилично, подташнивало, когда самолёт попадал в воздушные ямы.

Через пять часов приземлились где-то под Архангельском, в расположении секретной воинской части.

Передохнули, отогрелись, пообедали гречей с тушёнкой, на десерт – чай с блинами, заправили самолёты горючим, лопасти самолётных крыльев очистили ото льда.

Тут первая неприятность и подстерегла – забарахлил хваленый американец, не заводится двигатель, хоть тресни. Кожух сняли, разобрали систему охлаждения, компрессором шланги разнообразные стали продувать.

– Ну что, командир? – поинтересовался Курчавый. – Сколько времени починка займёт?

– Я же не Господь Бог, – Маврикий криво усмехнулся, машинное масло с рук тряпицей стирая. – Так, только сынок его внебрачный, причём и не любимый вовсе. Двое, а то и трое суток тут провозимся...

На том и порешили: все остальные в Нарьян-Мар летят, где «Флейстер» и дожидаются.

Проводили товарищей, руками помахав – на удачу. Лётчики, вкупе с местными механиками, принялись за ремонт капризной техники, а Ник с Токаревым, чтобы не мешаться и глаза не мозолить, отправились в расположение части, на отдых.

Там, в сосновом бору, для поправки здоровья местных лётчиков и моряков, был расположен небольшой санаторий, пустовавший тогда – по причине «не сезона». Нормальное такое заведение, с настоящими спортзалом и бассейном. Заняли по одноместному номеру, гири потягали в спортзале, на турнике вволю повисели, от души поплескались в прохладном бассейне.

После этого расположились в столовой – чай погонять перед камином.

Сели, стали гонять.

Тут *Она* и вошла...

Ник только мельком взглянул да и понял сразу – *Она!*

Бывает такая разновидность женской красоты, которая лучше всего характеризуется термином «милая». Вроде бы ничего особенного: рыжие кудряшки, вздёрнутый носик, веснушек – миллиона два, зеленые глаза – то задумчивые и печальные, то весёлые и озорные. Действительно – ничего особенного. Лет двадцать пять, может, двадцать семь. Невысокая, но стройная. Одетая совсем неброско, скромно даже. Но некая элегантность чувствовалась, вернее, угадывалась.

Скарлетт О'Хара, одним словом, блин.

Дрогнуло у Ника сердце, забилось учащённо и неровно.

Бывает, господа, такое. Редко, но бывает.

Раз – и ты уже абсолютно ничего не осознаёшь, плывёшь в сиреновом тумане мечтаний призрачных...

Два – и собственное сердце тебе уже не принадлежит...

Заворожён, смущён, пронзён, отважен...

А может, просто напрасно – смешон...

Пусть это так. И я не спорю даже...

Тобою я навек заморожен...

Заворожён, порабощён, отважен...

Вошла, с зонтика капли дождевые одним резким движением отряхнула, улыбнулась – вежливо и насмешливо одновременно.

Токарев мгновенно вскочил с места, к прекрасной незнакомке обниматься кинулся.

– Мэри! – зачастил возбуждённо. – Сколько лет, сколько зим! Вы опять похорошали, просто отлично выглядите. Какими вы здесь судьбами? Рад видеть вас! Но пасаран!

Оказалось, что они с Токаревым давние знакомые, по Барселоне ещё. Год назад там плотно пересекались.

– Здравствуйте, Токарев, но пасаран, – девушка ответила по-русски, но с заметным акцентом. – Я детей испанских приехала навестить. Помните, вывозили их тогда, на пароходе? Вот, двадцать малышей в здешнем детском доме поселили, в Архангельске. Странно это, неправильно. Надо было климат им потеплее подобрать. Почему – Архангельск? Не знаете? У нас в Америке так бы не сделали. Отыскали бы что-нибудь – на Испанию похожее. Резкое изменение климата на здоровье детей может сказаться. Обязательно товарищу Крупской буду жаловаться... А где же ваш друг? Кузнецов, кажется?

– Убили его совсем недавно, – помрачнел Токарев. – Так уж получилось. Погиб как настоящий герой, в бою с неприятелем.

Мэри тут же его за руку схватила, другой рукой погладила по щеке.

– Ах, как жаль! – промолвила искренне. – Как жаль. Молодой же совсем был. Сочувствую вам. Примите мои соболезнования...

Познакомил Токарев Ника с этой американкой симпатичной, зеленоглазой. Ник всегда с девушками уверенно себя чувствовал, а тут засмутился, начал заикаться. Судя по тому, как щекам стало горячо, даже покраснел. Вот же, позорище! Подумаешь – американка...

– Вы очень смешной, мистер Ник, – Мэри ещё дров в костёр подбросила. – Нездешний совсем, очень странный. Слово из другого мира.

Вот то-то и оно, что из *другого*. И с ухаживаниями ничего путного не получалось, так только – смех один...

Ещё через час-другой и доблестные лётчики пожаловали. Тут уж шансы Ника, и до того невысокие, стали просто мизерными. Куда ему с лётчиками полярными тягаться, с героями народными, общепризнанными?

Один только Маврикий Слепцов чего стоил: имя редкое, грива волос шикарная – чёрная, с благородной проседью, кончики усов вверх задорно торчат, вылитый Эркюль Пуаро из телевизионного сериала. Только моложе и импозантней: ростом под два метра, в плечах сажень кося.

А как анекдоты травит, мерзавец, заслушаешься.

Потом и гитарка появилась, выяснилось, что Маврикий и романсы петь мастак, любовные все насквозь, обольстительные. Каналья коварная!

Звонко смеётся Мэри, раскраснелась, нравится ей внимание мужское...

Вызвать бы Маврикия на честную дуэль, да нельзя. Видите ли, у них задание секретное, важности повышенной. Сам товарищ Сталин в курсе. Эх, блин горелый!

Совсем уже собрался Ник на боковую отправиться. Чего душу-то бередить понапрасну?

Поднялся из-за стола, приготовился слова вежливые произнести и откланяться.

Опередила его американка глазастая.

– Куда это вы, мистер Ник? Устали, спать хотите? Рано ещё, честное слово. Вы на гитаре играете? Тогда спойте, прошу! Можете даже в мою честь, я разрешаю.

И смотрит невинно так, с надеждой во взоре...

Нет, не знает мартышечье коварство границ! Женское – в смысле...

Взял у Маврикия гитару, подумал чуток да и исполнил:

– Мэри. Это твоя первая потеря. Мэри, горько плачет Мэри.... На дворе – гитары и вино. И ребята ждут тебя давно...

Изменилась вся картинка мгновенно и кардинально: вот, ещё две минуты назад Ник в аутсайдерах беспросветных числился, а теперь – фаворит безусловный.

Так на него американка посмотрела, будто настигла её стрела Амура. Метко так настигла, прямо в сердечко зарубежное. Маврикий тут же загрустил, поражение своё осознав. Даже кончики его шикарных усов вниз опустились.

– Слушайте, мистер Ник, – неожиданно предложила Мэри. – Давайте прогуляемся с вами. Только вы и я. Романтическая русская ночь. Ранняя весна. Только вы, я и весна. Какая хорошая компания... Пойдёмте?

Пошли, конечно. Ночь, и правда, выдалась волшебной: звёзды высыпали стаей бесконечной, птички в ветвях чирикали, белки, громко цокая, с дерева на дерево перескакивали, флиртуя направо и налево...

Весна!

Болтали о том, о сём, будто сто лет уже знакомы.

По загадочному ночному лесу прошли; устав, вернулись обратно, расположились на просторной террасе. Ник из санатория кресло-качалку приволок, лампу керосиновую, тёплый плед.

– Ник, принесите из буфета фрукты, – попросила Мэри. – Там настоящие персики были, я видела. Виноград – тоже хорошо...

Персиков и винограда уже не было, – лётчики оголодавшие постарались.

Только две груши нашлись – большие, немного даже переспелые. А у Мэри, чисто случайно, конечно, обнаружилась и плоская бутылка с шотландским виски.

Глоток ароматного виски под слегка переспелую грушу, что может быть изысканней – весенней ночью, полной неясных предчувствий и призрачных ожиданий?

Романтика полная, вовсе без изъянов.

Чтобы усилить произведённое впечатление, Ник даже на хитрость пошёл: прочёл наизусть рассказ О. Генри «Дары Волхвов», *не написанный* ещё автором рассказ.

– Ах, Ник, – прошептала Мэри. – Какой же вы милый!

Глаза девушки мерцали – призывно и загадочно, голова Ника предательски кружилась, как в далёкой юности, много, много лет тому *вперёд*...

Стихи, опять стихи, потом, как и полагается, – «её горячие мягкие губы – на его твёрдых, потрескавшихся губах».

Давно уже Ник так не целовался, до полного иступления.

Дальше поцелуев дело, впрочем, не продвинулось. В решающий момент Мэри резко отодвинулась, даже оттолкнула, дрожащим голосом попросила проводить. Довёл её Ник до дверей комнаты, поцеловал ещё один раз, на этом и всё.

Вернее, это потом выяснилось, что всё.

А тогда подумалось: «Завтра, может, и дальше продвинемся...»

Напрасно подумалось, сглазил, наверно.

К обеду выяснилось, что самолёт уже починен полностью, взлетать пора.

Собрались в спешке, загрузились.

Уже перед самым отлётом подошла Мэри. Стояла около самолётной лесенки, в сторону потерянно смотрела, стройной ножкой, обутой в элегантный кожаный сапожок, задумчиво пинала мелкие камушки.

– Вот и всё, – прошептала чуть слышно. – Прощай, Ник, герой не моего романа. Прощай, дарлинг...

Смахнув с глаз слезинку, протянула небольшой узелок.

– Там, – объяснила, – бутылка виски. Настоящее, американское. Печенье, джем. Так – на добрую память. Может, и встретимся когда.

Поцеловались, прощаясь, никого уже не стесняясь. Узелок тот Ник в свой рюкзак записал, рюкзак забросил к остальным вещам, в хвостовую часть. Разбежался самолёт, взлетел, крыльями помаhal, словно прощаясь с кем-то навсегда...

Минут семь как оторвались от взлётной полосы, всего только и прошло.

В хвосте самолёта, вдруг, раздался негромкий хлопок, полыхнуло ярко, всю кабину заволокло жёлтым вонючим дымом, «Флейстер» тут же сорвался в глубокий штопор.

Как Маврикий из того штопора самолёт сумел вывести? Не иначе, действительно, – внебрачный сын Господа Бога...

Повезло ещё, что это произошло над руслом Северной Двины. Лёд еще крепкий держался, да и торосов в том месте почти не было. Колёса, конечно, тут же обломались, на брюхе проползли метров сто, помотало знатно, синяков на всех не одна сотня наберётся. Но ничего, пронесло. Выскочили быстро из самолёта, снегом пожар мгновенно забросали.

– Чудеса в решете, – хмуро процедил Маврикий. – Как же это мы без хвоста сесть умудрились?

Действительно, нет хвоста, будто срезало напрочь – бритвой гигантской.

Бритвой срезало? Или же – взрывом?

Токарев залез в хвостовое отделение, долго там шурудил, искал чего-то.

Вылез весь злой из себя, хмурый.

– Похоже на то, – шепнул Нику на ухо, – что это рванул твой рюкзачок. Вернее, тот узелок, что тебе презентовала добрая и милая девушка Мэри.

– Не может того быть! – Ник схватил за грудки Токарева.

– Ещё как может, – тот ему ответил, даже не пытаясь сопротивляться. – Насмотрелся я всякого в этой внешней разведке. Не то ещё бывало, похлеще. Судя по запаху, это новая американская взрывчатка и есть: капсуль булавкой прокалывается, оно ровно через полчаса и взрывается. Ну, и нервы у нашей Мэри, стальные канаты просто. А задержишь самолёт с вылетом минут на десять?

«Мать его!», – тоскливо так Нику подумалось. – «И *тут* то же самое, дерьмо одно сплошное. И засады с запутками – на каждом шагу...»

Никак не мог Ник с мыслью смириться, что эта славная девушка, зеленоглазая, смешливая, умеющая так волшебным целоваться, – обычная шпионка и пошлая диверсантка.

И вовсе не Скарлетт О'Хара, а наоборот – Миледи, перекрашенная только...

Хорошо ещё, что на аэродроме нашлись мотосани, за пару суток груз обратно вывезли, практически и не пострадало ничего, главное, что коронки алмазные уцелели.

«Флейстер», правда, бросить пришлось, весна наступала уже вовсю, лёд вокруг самолёта трещинами покрылся, того гляди – начнётся ледоход.

А Мэри пропала. Искали везде, никаких следов не обнаружили. Было непонятно, откуда она вообще в Архангельске появилась – не было никогда в местных детских домах детей, вывезенных из Испании в 1937 году.

Как попала на территорию секретного аэродрома? Почему её никто не задержал?

Доложил Токарев по телефону в Москву обо всём случившемся, там пообещали разобраться. А ещё пообещали головы всем оторвать, с ближайшей оказией.

– Нам-то что, – ударился Токарев в философию. – Улетим скоро, ищи ветра в поле. А, вот, у вояк местных теперь неприятностей будет – выше крыши этого санатория. И звёзды с погон полетят – светлым роем, и рук рабочих на Беломорско-Балтийском канале, непре-

менно, прибавится. И поделом, уважаемые: высокие должности, они и мере ответственности надлежало должны соответствовать. Как же иначе?

Потом прилетел самолёт из Нарьян-Мара, продолжили маршрут.

Красивый вид из иллюминатора открывался: внизу – бело-серая равнина, изрезанная тысячами рек и ручьёв, и миллионы, или даже миллиарды, больших, маленьких и вовсе крошечных озёр.

Ничего сверхординарного больше не происходило, так, сущие мелочи. Поморозились немного при последующих перелётах, на одном из военных аэродромов на две недели из-за пурги задержались, даже поголодать пришлось. Но всё же уложились в намеченный график, пятнадцатого мая уже в Магадане приземлялись.

Сделали самолёты широкий круг над Магаданом, со стороны моря. Недавно возшло солнце, в иллюминаторах загадочно мерцала знаменитая Нагайская бухта, с противоположной стороны хорошо просматривались порт и город.

Красота!

Только хищная такая, недобрая красота.

Опасности и новые жертвы сулящая...

Глава шестая

Магаданские страшилки

Приземлились, с Божьей помощью. Двое суток с небольшим провели на территории аэродрома: отъедались, отсыпались, обмороженные пальцы на руках-ногах в ванночках специальных холили, ублажали мазями пахучими.

На третьи сутки, по утрам, всем выдали энкавэдэшную форму, удостоверения, оружие табельное, вещмешки с недельным сухим пайком. И, уже отдельно, значки крупные, приметные: профиль товарища Сталина, а чуть ниже – буквы золотые: «НКВД».

Капитан Курчавый, построив всех, проинструктировал:

– Даю вводную. Эти значки – наш опознавательный знак. Директивы сверху уже спущены: теперь до конца операции все местные начальники, включая армейских и флотских, обязаны нам оказывать всеобъемлющую помощь. Ясно? Значки на гимнастёрках закрепить аккуратно, чтобы прямо над сердцем получилось. Сейчас следуем в оперативный штаб – знакомиться с текущей обстановкой. Потом совещаемся, определяемся, решения принимаем, заселяемся в *наше* общежитие. По одному в город не отлучаться, общую дисциплину не нарушать. К нарушителям лично буду принимать самые жёсткие меры, – недвусмысленно по своей кобуре ладонью похлопал. – Вопросы?

Какие ещё вопросы могут быть, когда объясняют так доходчиво?

Сам капитан в эмку уселся, с собой Ника пригласил, Бочкина. Остальные расположились в кузове полторки, под натянутым брезентовым тентом.

Полтора часа ехали от аэродрома: дорога дрянь полная, лужи сплошные, ямы и выбоины. Вдоль дороги – осиновое мелколесье, высокие кусты голубики, каменистые осыпи, безлюдье.

Наконец, за стеклом замелькали тёмные длинные бараки, покосившиеся избушки, накаты землянок.

Это что – и есть Магадан?

– Это так, пригород только, – заметив недоумение Ника, пояснил Курчавый. – Вот, в центр въедем – там и нормальные дома имеются, даже в несколько этажей.

В центр въехали, но Ник тут же перестал обращать внимание на архитектурные особенности города: попали в пробку, пришлось колонну заключённых пропускать, бесконечную такую колонну, следующую из порта.

Целый час мимо них шли люди. Измождённые лица – молодые и старые, интеллигентные и не очень. Солнечные лучи отражались от стёкол пенсне и от золотых фикса. Ватники и студенческие тужурки, потёртые бухгалтерские костюмы и военная форма без погон.

А в глазах проходящих – только смертельная усталость, граничащая с полным отупением.

– У-у, морды арестантские, – с ненавистью протянул Бочкин. – Заждались вас лагеря.

Курчавый же его поправил:

– Лагеря, они всех заждались. Всех, кто задач, поставленных партией, решить не может. Так что, уважаемый Ерофей, вы не злорадствуйте понапрасну. Судьба – она как угодно может повернуться. Смотрите вот, примеряйте на себя жизненные варианты. Глядишь, и работать потом будете с удвоенной энергией. Диалектика, мон шер...

Замолчал Бочкин и всю оставшуюся дорогу дулся.

Конечный путь маршрута был спрятан за высоченным забором. Солидный такой забор, из новеньких досок. И это при том, что пиломатериалы тогда в Магадан, в основном, морем завозились.

«Это у них *тут* правила игры такие, – решил про себя Ник. – Чем дело секретней, тем заборы выше быть должны. С одной стороны – логика железная. С другой – и вражеским агентам легче искать секретные объекты. Диалектика, мон шер».

Но умничать не стал. Пока – по крайней мере. Вот, когда назначат начальником каким-нибудь, тогда-то – ужо. Поговорим ещё про настоящую конспирацию...

За забором располагался (опять-таки для Ника уже абсолютно угадываемо и привычно), двухэтажный кирпичный дом, пара вышек с часовыми, несколько бараков обычных, непрезентабельных.

За массивными дверями обнаружилась «вертушка» металлическая, два автоматчика по бокам застыли напряжённо, скорчив лица в недоверчивые гримасы. Документы долго у всех проверяли, но, не найдя ничего подозрительного, пропустили.

Милая девушка в военной форме с сержантскими «кубиками» на краповых петлицах, улыбаясь строго и недоступно, всю компанию на второй этаж сопровождала, распахнула нужную дверь, вежливо пригласила войти.

Ник у сразу стало понятно, что в *чисто рабочем* помещении оказался: столы, заваленные геологическими картами, стеллажи с образцами горных пород, беспорядок насквозь деловой, даже портрета Сталина нигде не наблюдалось, что говорило о многом.

За крайним столом двое сидели, каким-то спором увлечённые: один в форме, явный хохол, с майорскими «ромбами» на петлицах, другой в штатском – матросские брюки клёш, косоворотка, белёсый и неприметный из себя.

Увидали хохол с белёсым вошедших, тут же закончили свой спор, с мест вскочили проворно, заулыбались.

Даже локальные дружеские объятия начались: майор Курчавого за руку трясёт, «косоворотка» с Вырвиглазом похлопывают друг друга по плечам.

– Товарищи, – известил Курчавый через минуту. – Прошу знакомиться. Это майор Петренко, здешний представитель нашего Комиссариата по направлению «Азимут». Мы с ним ещё в Западной Сибири работали вместе. А это, – показал рукой на «косоворотку», – товарищ Маркус Эйвэ, отвечает за геологическую часть нашего проекта. Природный эстонец, но по-русски лучше многих из здесь присутствующих говорит. Полиглот и настоящий интеллект.

– Мой ученик! – уточнил Вырвиглаз, улыбаясь широко и радостно.

После ответного представления новоприбывших Петренко тут же перешёл к делу: карты на стене развесил, указку в руки взял, дождался, пока все вокруг рассядутся, прокашлялся хорошенько:

– Итак, товарищи, сейчас мы работаем на трёх объектах. Первый – вот здесь, южнее Певека, недалеко от впадения реки Паляваам в Чаунскую губу. Всем видно? Второй – недалеко от впадения реки Белой в реку Анадырь. Вот здесь. И третий – в устье ручья Холодный, впадающего в Берингово море, немного южнее мыса Наварин. Все участки выбраны на основании тщательного анализа многих документов: отчётов царских ещё чиновников по скупке золота у диких старателей, материалов геологических экспедиций, различных легенд и преданий местных народностей, наконец, показаний задержанных, посещавших те места во время побегов из мест заключений. Очень широкий охват территории получился, что, с одной стороны, вселяет оптимизм, с другой, затрудняет координацию действия. Связь со всеми объектами осуществляется только по рации, на специально выделенной волне, вероятность перехвата переговоров – ничтожна мала. Имеем локальные успехи, локальные же неудачи. Об успехах вам доложит товарищ Эйвэ.

– Есть определённые успехи, есть, – спокойно подтвердил флегматичный эстонец. – На Холодном пока только рассыпное золото нашли, мелкофракционное. Перспективные

россыпи, богатые. Только жильным золотом там и не пахнет. А вот на притоках Паляваама и Белой обнаружены очень даже недурственные самородки. Правда, неоднозначные, на мой взгляд. Некоторые образцы на тех стеллажах размещены, потом можно будет ознакомиться. Неоднородны эти самородки по химическому составу сопутствующих пород, по структуре плохо квалифицируются. Нужны дополнительные исследования, серьёзные буровые работы. А вот с этим проблемы возникли, – Эйвэ замаялся, явно не зная, что говорить дальше.

– Так всегда и бывает, – криво усмехнулся Петренко. – Одним об успехах докладывать, другим – о неприятностях.... На участках в бассейнах рек Паляваам и Белая ещё по осени начали происходить инциденты. Есть трупы, один сумасшедший имеется, один подозреваемый. В результате буровые работы там сейчас не ведутся – по причинам полного разрушения одной буровой установки и отсутствия квалифицированных кадров на другом участке. Бьются только одиночные шурфы, канавы с помощью взрывов проходятся. А время-то уходит, необходимо активизироваться. А, товарищи?

Слушатели подбадривающе зашумели, согласно закивали головами.

– Конечно, необходимо, ясен пень, – подтвердил за всех Сизый.

Петренко протянул Курчавому несколько листов разнокалиберных бумаг и скромный бурый конверт:

– Вот, Пётр Петрович, там всё развёрнуто изложено. Плюс – конверт из Москвы, лично для вас.

Капитан отошёл в сторону, вскрыл конверт и погрузился в чтение, остальные разбрелись по комнате, разглядывая геологические карты, образцы самородного золота, пробирки с золотосодержащим песком.

– Товарищи! – уже минут через десять обратился ко всем Курчавый. – Попрошу подойти ко мне! Всем, всем! Обстоятельства изменились, и мы вынуждены немного пересмотреть предполагаемый ранее график мероприятий. Сейчас разделимся на три группы, каждая из которых будет в ближайшие двое суток работать автономно. Первая группа: Сизый, Иванов, Банкин. Иванов – старший. Задача – допрос подозреваемого и того, второго подследственного, с психическими отклонениями. Зинаида Ивановна проводит. Потом – изучение документов по объектам, всяких отчётов, легенд и сказок. Анализ первоочередности исследований. Выбор участка для переброса туда бурового станка. Документы в нашем ведомственном общежитии можете изучать, чтобы тут не отсвечивать. Вторая группа: Эйвэ и Вырвиглаз. Задача та же – выбор участка для ведения буровых работ, но на основании геологической науки. Все остальные входят в третью группу, которую возглавляю я лично. Задача будет сформулирована отдельно. Все вопросы отменяю. К выполнению поставленных задач приступить незамедлительно!

Зинаида Ивановна – та, с сержантскими «кубиками» и улыбкой строгой и неприступной – провела Ника с подчинёнными (в *этой* жизни Нику ещё *старшим* быть не доводилось, поэтому он ощущал некую гордость), в соседний барак, передала встретившему их пожилому лейтенанту бланк с приказом и тут же удалилась, ловко повернувшись через левое плечо.

– У-у, ты какая! – пробурчал ей вслед Сизый. – Прямо искры во все стороны летят...

– Это точно, – благодушно согласился лейтенант, уважительно косясь на Лёхин значок с профилем Вождя. – Таковую ещё поискать надо, огонь-девка. Ладно, в соответствии с приказом, начнём с постояльца камеры номер один, с обычного постояльца, – уточнил зачем-то.

А Ник промолчал. Зинаида, конечно, девушка симпатичная: тоненькая такая, светленькая, но после истории с рыжей Мэри он ко всему женскому полу с недоверием относился.

Лейтенант их в кабинет проводил, расселись все трое за низеньким столом, как раз стульев хватало, по другую сторону стола – табурет колченогий.

Через минуту лейтенант подозреваемого ввёл – тщедушного мужичка средних лет, в хэбэшной тюремной робе. Сам у дверей насторожённо замер, доложив предварительно:

– Задержанный Сомов Николай, по кличке «Сом», доставлен! Подозревается в убийстве четырёх геологов, производивших буровые работы в бассейне реки Паляваам. Предположительная дата убийства – середина октября прошлого года. Вину свою полностью отрицает, замечает следы, рассказывает очевидные сказки. На контакт не идёт.

– Проходите, гражданин, присаживайтесь, – предложил Ник, стараясь говорить бесцветно и буднично, как начальнику, себя таковым осознающему, и положено. – Давайте побыстрей, уважаемый, у нас дел и без вас – невпроворот.

Мужичок, прошаркав по деревянному полу кабинета стоптанными ботинками без шнурков, осторожно присел на табурет, скованные наручниками руки пристроил на коленях.

– Где чалился, братишка? – тут же проявил себя Сизый. – Судя по перстням и татуировкам видимым, не простой ты чалдон, дядя. В законе, чай?

– Да и у вас, начальник, тоже руки непростые, заметные, – отпарировал Сомов. – Да и внешность лица – авторитетная.

– Отставить! – рявкнул Ник. – Зарубите, Сомов, у себя на носу: судьба ваша сейчас – только от меня зависит. Скажу расстрелять – через пять минут к стенке поставят. А могу и словечко доброе замолвить, просекаешь?

Сомов только плечами пожал:

– Оно, конечно, понятно. С расстрелом, то есть. А, вот, какие другие варианты имеются? И что для этих других вариантов я совершить должен? Поясните, будьте так добры, начальник.

– Варианты? – Ник демонстративно зевнул. – Только один вариант безальтернативный и существует. Мы на днях в те места думаем наведаться. Если с твоей помощью разберёмся однозначно, что там случилось, настоящих убийц найдём, то и тебе снисхождение будет. Не найдём – не обессудь, лично пристрелю, как пса блохастого. Так что думай, дружок. И требуется от тебя немного: расскажи всё, что знаешь, чётко, доходчиво, все мелочи вспомнив. А ещё – ощущения всякие. Понимаешь?

– Субъективные, например, или же на подсознательном уровне, – важно, голосом Иосифа Виссарионыча, пояснил Банкин, грозно хмуря свои густые брови.

– Вот, про это последнее, – Сомов посмотрел на Банкина с уважительным испугом, – ничего добавить не могу. А так, что же, слушайте. Только прошу – дайте до конца рассказать. А то тут некоторые, – чуть заметно кивнул головой в сторону стоящего позади него лейтенанта, – сразу кулаками в морду лезут, после первых же десяти слов. Да ещё кричат при этом: «Не смей врать, собака! Ещё раз соврёшь – тут же пришибу гниду!». Как же после этого правду говорить? Жить-то хочется, как и всем. Может, вы разберётесь? Ребята, как я погляжу, вы серьёзные, с понятиями, – с надеждой покосился на Лёху.

Лейтенант за его спиной засопел смущённо.

– Я сам-то ростовский, – начал Сомов. – Поэтому и нет ничего удивительного, что в блатные подался. Традиции, так сказать. Нравы опять же. Влияние среды, как дедушка Карл Маркс учит. Но с мокрухой дел никогда не имел. Карманником начинал, потом в медвежатники переквалифицировался, потому как доходнее. Посидел, понятное дело. И там, и тут, все пересылки истоптал. Короновали, конечно. Последний раз в Воронеже погорел, вломила одна сука дешёвая, слила ментам. Да ладно, по квитаемся потом. В этот раз меня в Певек отправили – новую зону обживать. В Певек так в Певек. Мы – привычные. Всё бы ничего, да кум попался – не приведи Господь. Невзлюбил он меня за что-то и давай третировать: чуть что не так – карцер. И так в бараке холодно, а в карцере пол земляной – вечная

мерзлота, почки отказывать стали. Да и голодно. Чувствую – помру скоро, сдёргивать пора. Дал каптёру по башке, рюкзак жрачкой затарил и рванул в тундру, благословясь, благо июль месяц стоял на дворе. Как через забор с колючкой перебрался? Про это говорить не буду, извиняйте, оно к делу не относится, а свет – он не без добрых людей.... По тундре месяц бултыхался, всё около Чаунской губы тёрся. Думал: вдруг корабль какой к берегу поближе подойдёт? Переберусь тогда потихоньку на борт, спрячусь. Ничего не получилось, все суда далеко от берега проплывали, не останавливались. А жратва-то вся и закончилась. А за ней – и силы. Ноги страшно опухли, идти отказываются. Ползу по этой тундре, к концу спектакля готовлюсь. Тут на буровую эту выполз, что стояла на берегу Паляваам. Хорошие мужики попались: накормили, пригрели, с собой оставили, ну, в качестве разнорабочего.

– А вот и врѣшь всё, сука лагерная! – взревел лейтенант. – Те ребята все партийные были, не могли они беглого зэка пригреть! Расстрелять – могли. Даже обязаны были, потому как дело у них было – секретности особой. Но накормить, в разнорабочие определить – нет, не могли. Правду говори, гадёныш, пришибу!

– Отставить! – распорядился Ник.

А Банкин опять свои густые брови нахмурил и голосом Ленина объяснил лейтенанту:

– Видите ли, уважаемый, не тот нервничает, кто по столу пальцами барабанит. А тот, кого этот стук раздражает сильно. Понятно? Ясна вам такая сентенция, голубчик мой?

Лейтенант только головой старательно закивал, что тот болванчик китайский.

Сомов, дождавшись от Ника разрешительного жеста, продолжил:

– Хорошо мы с теми мужиками жили, компанейски. Работы, правда, много было, да ничего – человек быстро к работе привыкает. В начале октября я от буровой отошёл на парутройку километров – брусники набрать. Она хоть и помороженная уже была, но ничего, с кипятком – в самый раз. Собираю, вдруг – выстрелы со стороны буровой. Чуть погода – ещё. Затаился я в ёлочках-кустиках, почуяло сердце беду. Через часок мимо меня четверо протопали. Все в каких-то робах пятнистых, сапогах высоких со шнуровкой – первый раз такую обувь видел. И говорят не по-нашенски, по-заграничному насквозь.

– Опять врѣшь! – не утерпел лейтенант. – Откуда здесь иностранцам взяться? Да я тебя сейчас... – и осѣкся под хмурым взглядом Банкина.

– А на каком языке говорили те четверо? – поинтересовался Ник.

– Дык, откуда же я знаю? – удивился Сомов. – Мы языкам не обучены, гимназиев не посещали.

Ник выдал несколько фраз по-английски, первое, что в голову пришло.

– Не, – завертел головой Сомов. – Совсем непохоже.

Ник повторил то же самое – уже по-немецки.

– Точно, точно, – обрадовался Сомов. – Так они и говорили между собой: «Раухен ферботен, найн, бите».

Ник переглянулся с Сизым: опаньки, как оно вытанцовывается.

– Ну, так вот, – возобновил своё повествование Сомов. – Полежал я ещё некоторое время в тех кустиках. А как же иначе? Надо же было выждать. Лежу это я и вдруг запах чувствую. Пахнет палёным, противно так. А ветерок-то со стороны буровой был, тут я и смекнул, что плохо оно всё. Пошёл туда, а там пламя уже догорает, головёшки одни. Но общую картину можно понять: постреляли эти пятнистые всех моих товарищей, потом внутри копра бурового тела сложили, всё горючкой залили и подожгли. Предварительно и всё оборудование поуродовали, порушили. Вот, милостивцы, и всё. Потом суток через трое парашютистов, наших, конечно же, с самолёта выбросили. Они меня и арестовали. А я и не пытался убежать. Опять же, куда? В тундру, чтобы те пятнистые поубивали?

– Врѣт он всё, – хмуро подытожил лейтенант. – Сам и поубивал всех, из-за съестного. А потом и поджѣг, заметая следы.... У-у, будь моя воля, расстрелял бы!

– Ладно, – вмешался Сизый. – Расстрелять его всегда успеем. Ты, Сом, мне вот что скажи. Не было ли в этих иностранных стрелках странностей каких? Может, вели себя как-то неправильно? Ты же в законе, такие вещи сразу просекать должен.

Заёрзал Сомов на табурете, словно смущаясь чего-то, наконец, выдал из себя:

– Дык, понимаешь, мне тут одна мысль покою не даёт. Ещё тогда мне показалось, что они очень уж громко между собой разговаривали, словно для меня специально. Будто заметили меня, но убивать не стали, чтобы я потом про них всем рассказывал. Может быть такое?

На этом беседа с Сомовым и закончилась. Отправили обратно в камеру, пообещав разобраться во всём, если что – посодействовать смягчению участи.

Вернулся лейтенант, Сомова отконвоировав, объявил:

– Ко второму-то ножками придётся пройтись, он буйным иногда бывает, поэтому предосторожность соблюдать приходится.

Прошлись: камера была на две части разделена, перед решёткой стояли стулья для посетителей, за решёткой на койке человек сидел. Совсем обычный – длинноногий юнец с прыщавой физиономией и причёской под полубокс.

Стенки в камере рисунками были завешаны, на всех рисунках – подснежники изображены: простым карандашом и красками акварельными, поодиночке и многочисленными группами.

– Вот, – лейтенант доложил. – Уже несколько месяцев цветочки рисует. Что, интересно, дальше-то делать станет? Его, кстати, Пашкой кличут, по фамилии Мымрин.

А юнец на лейтенанта посмотрел и продекламировал, серьёзно так, с выражением:

Подснежники, как прежде, по весне вновь расцветут —

Всем бедам вопреки.

Но не дано их больше видеть мне.

Как не дано любить...

– Во дела! – удивился лейтенант. – Не иначе, это ваше появление так на него повлияло, раньше он стишками не баловался.

– Здравствуйте, Паша, – начал, как было заранее оговорено, Банкин. – Красивые у тебя цветочки получаются, душевные. Весну, наверно, любишь?

– Люблю, – покладисто согласился душевнобольной. – Холодно там очень было, на Белой. Это река такая в высоких сопках. Февраль уже кончался. Ужасно холодно было: минус тридцать пять, минус сорок. Снегом всё завалило, метра на два. Так весны хотелось! Так хотелось... Подснежники каждую ночь начали сниться. А тут ещё этот появился, Чёрный... – юноша замолчал, пугливо озираясь по сторонам.

– Чёрный – он кто? Какой из себя? – осторожно поинтересовался Ник.

– Кто? Не знаю. Какой из себя? Чёрный, страшный, большой очень. Ещё воняет от него тухлятиной. Как завоняло, значит и он где-то рядом. Оглянёшься по сторонам – вон, на вершине сопки сидит, на буровую пялится. Выстрелишь в его сторону, так, без прицела, испуга ради, – уходит. Медленно уходит, без испуга, не торопясь. – И добавил неожиданно: – А подснежники-то, они на крови растут. Гадкие цветы, со смертью дружат...

– Павлик, – неожиданно мягко проговорил лейтенант. – А ты нам расскажи, как ходил за подснежниками. Пожалуйста. Ну, расскажи!

Павлик громко пошмыгал носом, смачно сморкнулся в сторону и забубнил – нудно и монотонно, словно вызубренный урок докладывал:

– Подснежники опять всю ночь снились. Красивые такие! В книжке одной написано было, что их под снегом можно отыскать. Сказка, конечно. Но проверить-то надо? Взял совковую лопату, пошёл. Петька с Вованом меня отговаривали сперва, не пускали. А мне очень

надо было. Плюнули они, отпустили. Отошёл я от копра бурового. На сколько? Да и не знаю совсем, не считал. Копал долго. Потом опять тухлятиной запахло. Да и Бог с ним, с этим Чёрным, думаю, плевать на него. Подснежников сейчас накопаю целую гору, он и исчезнет. Долго копал, до самой земли дошёл. Но нет там ничего, только трава жёлтая, пожухлая, прошлогодняя. Обманула та противная книга. Не буду больше ничего читать. Вернулся, а дверь в копёр буровой распахнута настежь. И никого внутри нет. Ни Вована, ни Петьки. Только головы их на столе стоят, и лужи крови кругом. А из тех луж – подснежники растут, тысячами. Ненавижу! – взвыл больной, вскочил на ноги и стал срывать со стен камеры свои рисунки. Из его глаз текли мелкие злые слёзы, на губах пузырилась голубоватая пена...

– Доктора, срочно! Доктора сюда! – прокричал лейтенант в открытую дверь, и уже Нику, спокойно: – Пойдёмте-ка отсюда. От Пашки толку сегодня уже не будет, да и ничего другого он не расскажет.

Вышли в коридор.

– Ну, товарищи подчинённые, какие мнения ваши будут по поводу всего услышанного? – спросил Ник.

Сизый с Банкиным переглянулись с пониманием. Банкин предложил, преданно глядя Нику в глаза:

– Командир, всё это обсудить требуется. Причём, желательно, не здесь. Размышления обстоятельные не выносятся казённой обстановки. Надо бы интерьер сменить на нейтральный. Может, отпросимся у начальства? А? Тем более что капитан сам про какую-то общагу говорил...

Глава седьмая, последняя из относительно спокойных Магаданские байки

Ник позвонил по местной телефонной линии Курчавому, коротко доложил о полученных результатах, попросил разрешения передислоцироваться в общежитие – для дальнейшего творческого обсуждения и работы с разными документами.

Разрешение капитан дал, посоветовал провести время с пользой для дела, не отвлекаясь на всякую ерунду.

Зинаида Ивановна пожаловала, с двумя чемоданами в руках, поставила их на пол.

– Вот вы и вы, – к Банкину и Сизому обратилась. – Возьмите, товарищи, по одному чемодану и следуйте за мной. Я вас в общежитие провожу.

– А почему это – мы с Гешкой? – тут же полез в бутылку Лёха. – Почему это ты, красавица, Никите чемодан не предложила? Мы же все в звании одном. Что за косяк такой? Опять же, он самый молодой из нас будет. В чём тут причина?

Но Зинаиду не так-то легко было смутить. Посмотрела на Сизого – строго – и отшила – моментально:

– Вы двое у меня доверия не вызываете, совсем. Спокойнее для всех будет, если руки вам чем-нибудь занять. Не придётся их потом ломать. Или просто – лупцевать по ним, чем придётся. Ясно? А Никита Андреевич, он положительный, от него глупостей всяких ждать не приходится. Уж я в этом разбираюсь, – и пошла себе вперёд, не оглядываясь, походкой гордой и грациозной.

Шёл за ней Ник, на спину узкую паялился, на ножки стройные, и всё никак не мог решить для себя: это она комплимент ему сделала от души или, наоборот, нахально посмеялась?

А сзади Сизый и Банкин пытели, бедолаги, – чемоданы-то оказались тяжеленными. Как их Зинаида Ивановна одна волокла?

Общежитие располагалось совсем недалеко от штаба, через пару-тройку улиц, за таким же высоким забором, под тщательной охраной бдительных часовых.

Зинаида их сразу сдала на руки коменданту да тут же и удалилась, на прощание одарив Ника серьёзным взглядом. Симпатичная всё же девица, если смотреть правде в глаза.

Комендант проводил их в комнату. Абсолютно ничего удивительного: пять железных коек, застеленных верблюжьими одеялами, посредине комнаты – обычный стол, хлипкие стулья.

– Располагайтесь, товарищи сержанты, – предложил комендант. – Не хоромы, но всё же. Ночуйте. Если в город пойдёте, то видите себя прилично, без наглого выпендрежа, с уважением. Магадан как-никак. Советую, на всякий случай, значки ваши красивые снять временно, если на променад соберётесь. Чтобы не пугать местное население. Пусть уж лучше вас за обычных вертухаев принимают.

Лёха, сбросив рюкзак на пол, тут же предложил:

– А что, пацаны, не прогуляться ли это нам по Магадану?

Гешка, поправив на голове пилотку, поддержал Сизого:

– В безусловном порядке. Главное – на Нагайскую бухту посмотреть. А документы эти почитать ещё успеем. Никуда они не убегут от нас. Что такое несколько часов, с философской точки зрения? Так, невидимая пылинка, в шлейфе времени бесконечного...

Бухта, впрочем, особого впечатления не произвела: берег был повсеместно усеян разнообразным хламом, над мусорными кучами кружили стаи наглых чаек, в море перекатывались мелкие жёлтые волны, повсюду – ржавые обломки кораблей, деревянные остовы бывших лодок и шхун, обломки мачт и вёсел. Грустное зрелище, сами собой возникали ассоциации, связанные с заброшенным кладбищем.

Гешка, старательно отворачиваясь от холодного ветра и пряча руки в карманах форменных штанов, с некоторым сомнением предложил:

– Надо бы, это, искупаться, что ли...

– Холодно как-то, плюс двенадцать всего, как бы самое дорогое случайно не отморозить, – засомневался Сизый.

Банкин сплюнул в сторону, быстро разделся до трусов и, заглушая своими воплями звонкие крики чаек, понёсся к воде. Пробежал метров десять по мелководью, храбро бросился в негостеприимные волны.

Пришлось и Нику с Сизым тоже раздеваться, лезть в холодную воду. Не бросать же товарища на произвол обстоятельствам?

Секунд через тридцать-сорок все по очереди выбрались на берег, дрожа от холода.

Долго бегали по берегу, стараясь хоть чуть согреться, даже поборолись немного, в шутку.

В отдалении стояли два пацана лет десяти от роду. Один был одет в тельняшку, бескозырку, на ногах – ватные штаны. Другой щеголял в ватнике большего размера, из-под которого торчали голые худющие ноги.

Мальчишки, явно замёршие, смотрели на происходящее с любопытством и удивлением.

Сизый, натягивая брюки и стуча зубами от холода, предложил:

– А что, кореша мои душевные, выпить бы. Целых три повода имеется. Во-первых, за славный Магадан. Во-вторых, согреться надо. В-третьих, так Ротмистра нашего и не поминули, а надо бы, путный парнишка был, правильный.

Ник с ним был полностью согласен – конечно, водочки не помешает, для сугрева сугубо...

Местный магазин неприятно удивил, на полках – хоть шаром покати. Минтай, явственно пованивающий, бычки в томате, развесные серые галеты, колбаса ливерная – синюшного оттенка.

У прилавка откровенно скучали две пожилые дородные продавщицы.

– И вот это – всё, что есть? – разочарованно спросил Ник.

Одна из продавщиц тут же нахмурилась:

– Смотри-ка, Алексеевна, к нам баре старорежимные заглянули, разносолов им подавай.

– А как с водочкой у вас, тётеньки? Нам бы бутылочки три, – вмешался Лёха.

Теперь уже вторая продавщица удивилась:

– Водочки? Дык, сами её уже года три как не видали. А вы откуда такие будете, странные? Может, патруль позвать?

Вышли из магазина. Недалеко от входа, на деревянных ящиках двое бичей отдыхали. Один играл на выдавшем виде аккордеоне, второй напевал негромко, но с надрывом:

В ночь уйду опять тропой знакомой.

По этапу вновь мотая срок.

Улыбаясь елочкам и клёнам,

Строго так на северо-восток...

Ты заждался, Магадан-братишка?
Я вернулся – где твои снега?
Вертухай закоченел на вышке,
За окошком – вечная пурга...

Песня длинной оказалась, куплетов так на семьдесят. Причём, Нику мотив определённо был знаком. Прямо вылитый Володя Маркин: «Проходил он даже мимо Тани, самой симпатичной во дворе...» Да, кругом плагиат! Или же всё проще: новое – это хорошо забытое старое? Само собой всё так, без всяких дурных намерений, вспоминается?

Закончилась песенка, Лёха тут же к делу перешёл:

– Здорово, орлы золочённые, на! А где, чалдоны уважаемые, на, в этой деревушке обхезанной, на, водочкой нормальной можно разжиться?

– Однако, заявление. А ещё в форме, – неожиданно интеллигентно откликнулся тот, что с аккордеоном. – Обозвать Магадан, столицу Колымского края, «засранной деревушкой»? Тут наглость громадную иметь надо или статус нешуточный.

Второй бич тоже склонность к философским рассуждениям проявил:

– Это, господа проезжающие, и не проблема вовсе. Водки всегда много в шалманах. У нас их в городе целых два, один называется «Север», а другой, насквозь противоположно – «Норд». Может, вам адреса этих заведений подсказать?

– Уважаемые, с деньгами у нас – труба полная, – проинформировал Ник. – Вот, осенью премию получим – за успехи, достигнутые в боевой и политической подготовке, тогда и посетим эти ресторации. А пока – нам бы чего попроще. Согреться вот надо да друга погибшего помянуть. Помогите, пожалуйста!

Пошептались о чём-то бичи.

– Сюда слушайте, – сжалился тот, что с аккордеоном. – Четыре квартала от порта идёте. Прямо вот на ту сопку с маленькой горбинкой. Там уже Нахаловка начинается, пригород такой, учёным языком выражаясь. По правую сторону третий дом, дверь у него зелёной клеёнкой ещё оббита. Стучитесь стуком условным: тук – тук-тук-тук – тук. Лишнего не говорите. Скажете кратко, сколько бутылок надо, на этом всё. Взяли – сразу ушли. Ясно? Тогда – с Богом, служивые.

– Спасибо за помощь, на, господа бичующие, на! – поблагодарил вежливо Сизый и уже к своим: – Я один схожу, места знакомые, нечего там полновесной кодлой тереться. А вы хлебушка прикупите, ещё чего. Да, стаканы помыть не забудьте. Знаю я вас!

Не отпустил его Ник одного, ведь Курчавый велел ходить по городу кучно. Поэтому Банкина вместе с Лёхой отправил, а сам за галетами в магазин заглянул.

Вернулся Ник в общагу, у коменданта стаканы стрельнул, газет старых. Стаканы помыл тщательно, газетами стол застелил, чуть заплесневевшие галеты горкой навалил, открыл три банки с тушёнкой – из выданного недельного пайка, настругал ливерной колбаски. В завершение – стаканы расставил, по центру стола литровую банку с кипятком водрузил, для запи-
вона.

Оглядел получившееся: классный натюрморт получился, королева английская от зависти нешуточной повесится или в монахини пострижётся...

Тем временем вернулись и Лёха с Гешкой, явно собой довольные, из карманов извлекли три полулитровые бутылки с коричневой жидкостью.

– Жуткое место – эта Нахаловка. Сплошные бараки и лачуги, даже землянки имеются. Как там люди живут, не представляю, – заявил Банкин, с недоверием рассматривая содержимое одной из бутылок на свет.

– Что за бурду вы приволокли? Это пить-то можно? – поинтересовался Ник.

– Это, подельник мой верный, не бурда, – Лёха даже слегка обиделся. – Это – настоящая ханка магаданская. Самогон местный, на махорке настоящий. Та харя арестантская, что нам это пойло продала, очень уж нахваливала, божилась, гарантии, в смысле – зуб, давала. Так что – всё пучком, можно смело разливать...

Открыли первую бутылку, с трудом вытащив зубами тряпичную самодельную пробку. По комнате тут же распространился неприятный специфичный запах.

Ника даже передёрнуло всего:

– Гадость какая! Лёха, а из чего они самогонку эту гонят? И для чего на махорке настаивают?

Сизый только легкомысленно пожал плечами, разливая ханку по стаканам:

– Махорка, надо думать, для крепости. А из чего гонят – не знаю. На нас и так косо смотрели, с угрозой. После того как Гешка поинтересовался, мол: «А как этот напиток называется?»

Банкин смущённо улыбнулся:

– Да уж, после этого вопроса из хибары – видимо, под дверью подслушивал – такой типаж нарисовался, мама не горюй. Семь на восемь, восемь на семь. Харя страшная, вся в шрамах. Пальцы – в синих перстнях, на боку тесак страшный висит. Мы тут же за ханку рассчитались, да ноги в руки. А в той халупе, за дверью, я ещё даму одну разглядел. Блеск просто дамочка, доложу я вам! Симпатичная такая, курносая, рыженькая и одета с шиком столичным. Что она в той норе делала? Интересно даже.

Ёкнуло у Ника сердце: симпатичная, рыженькая? Неужели Мэри, диверсантка американская? Да нет, не может быть! Как она умудрилась из Архангельска так быстро до Магадана добраться? Самолёт угнала? Да нет, конечно же, бред полный... Или, всё же, доложить Курчавому? Может, надо срочно тревогу поднять? А если обознашки? Засмеют ведь товарищи верные, и начальники, и подчинённые...

Пока Ник раздумывал, Лёха уже всем стаканы с ханкой раздал, тост произнёс:

– Ну, чувырлы братские! Помянем Матвея Кускова, товарища нашего, павшего в бою с супостатами. Пусть земля ему будет пухом!

Встали, выпили, не чокаясь.

Банкин так и остался стоять столбом, спрятав нос в рукаве. Ник в кашле зашёлся.

А Сизый, как ни в чём не бывало, ливерную колбасу усиленно начал поглощать.

Ник, наконец, откашлялся, глотнул кипятка из банки.

Противные были ощущения: казалось, что в желудок медленно упал здоровенный булыжник и лежит там, время от времени нетерпеливо ворочаясь.

Да и с головой наблюдался определённый непорядок: исчезли куда-то все мысли, все – до единой. Забылось напрочь о странной рыжей девушке, о тревоге, которую поднять необходимо, и о капитане Курчавом.

– Фигня, братушки, прорвёмся! – жизнерадостно прочавкал Сизый. – Первая – колом, вторая – соколом! Гешка, разливай по второму разу...

Ник тихонько отворил дверь и осторожно вышел в обшарпанный коридор. Пожилая уборщица подметала пол. Обернулась, неодобрительно покачала головой.

– Тётянька, скажите, пжалуста, где у вас здесь туалет? Типа – сортир? Не дайте умереть, – заплетающимся языком взмолился Ник.

– Эх, милоч, как тебя с ханки-то схватило, – пожалела его добросердечная старушка. – Её же, заразу, обязательно жиром моржовым закусывать надо. Или – оленьчим, если моржового нет. Ох, беда с вами, с приезжими. А туалет – правая последняя дверь, по коридору. Ты уж поторопись, голубь сизый. Ханка-то, она долго ждать не будет. Только прошу сер-

дечно, не перепутай! Левая дверь – женская уборная. Тут дамы такие проживают – и побить могут. Даже до смерти...

Только минут через сорок покинул Ник туалет – до того было плохо. Прошёл по коридору к окну, прислонился лбом к холодному стеклу.

«Что ж это творится такое? – подумалось. – Сюрреализм какой-то! Тридцать восьмой год, Магадан, ханку махорочную жру. Бред какой-то. Может, действительно – всё сон? Утром проснусь, а оно всё *по-прежнему*. А может, *по-прежнему* и не надо? Не хочется совсем – *по-прежнему*...»

Утром его Вырвиглаз разбудил. Вернее, растолкал непочтительно да ещё и холодной воды налил за шиворот.

– Как это понимать, Никита Андреевич? – спросил грозно. – Вас же старшим назначили, доверие оказали. А вы? Пьянку пошлую устроили, приказ нарушили. Я-то со всеми остальными в конторе заночевал. Работы много. Прихожу – а тут такое. Вон, на подчинённых полнубуйтесь... Куда только катится этот мир?

Оглянулся Ник по сторонам: на столе разгром полный – объедки сплошные, на полу валялись две пустые бутылки из-под ханки, на середине стола стояла третья – едва начатая.

Дружный храп раздавался из дальнего угла. Это Лёха с Гешкой старались, развальясь валетом на узкой кровати, сапоги друг друга используя в качестве подушек.

Ник же, судя по всему, прямо за столом уснул. Стыдно, блин! Командир называется...

Посмотрел Ник на себя в зеркало, что над умывальником висело, даже испугался собственного отражения: морда опухшая до неузнаваемости, глаза круглые и жёлтые, что у того тигра из зоопарка.

Лёха с Гешкой проснулись – такие же уродцы, желтоглазые до уморы полной. Раз пятьдесят от смеха уписаться можно и, что характерно, в один и тот же подгузник...

Вырвиглаз внимательно посмотрел на удалую тройцу и черту жирную подвёл:

– Судя по цвету глаз, ханку пили вчера? Шустры вы, орлы ленинградские. Сейчас плохо, наверное? Ханку, в обязательном порядке, жиром моржовым закусывать надо, или же оленьим. Но лучше всего – китовым... Ничего, потерпите! Сейчас я вас в порт отведу, к доку судоремонтному. Там пиво продаётся отличное, не чета живой воде из сказок. Чёрное, крепкое, ароматное – «негл» называется. Нигде такого нет...

Уже часа через полтора подошли к судоремонтному доку. В маленьком магазинчике Вырвиглаз купил две трёхлитровые банки яблочного сока. Тут же с помощью перочинного ножа крышки с них сорвал и вылил содержимое под карликовую берёзу.

– Да вы у нас – прямо Мичурин! – пошутил неуклюже Ник. – Надеетесь, что яблоки на берёзе вырастут?

– Вы, что же, думаете, «негл» вам в кружки наливать будут? – отпарировал Вырвиглаз. – Откуда в Магадане кружки? Если пиво в кружках – это уже и не Магадан будет. Сейчас банки помоем, и вперёд...

Расположились на старом заброшенном пирсе, на пустых деревянных ящиках, которые в этих краях повсеместно заменяли собой скамейки.

В воде, среди мазутных пятен, плавали многочисленные голубые и зелёные льдины.

Выпили «негла», передавая по кругу банку, закурили.

– Ну, вот, совсем другое дело, – обрадовался Вырвиглаз, довольно поглядывая на подопечных. – Глаза уже у всех нормальные – пропала желтизна. Да и лица уже лица напоминают.

– Спасибо, Владимир Ильич, выручили. Теперь вы для нас – отец родной и волшебник в одном лице, значит, – от лица всего коллектива искренне поблагодарил Ник.

Банкин задумчиво оглядел плавающие льдины.

– Искупаться, что ли, соблюдения принципов ради? – вопросительно покосился на приятелей.

Но желающих составить ему компанию почему-то не наблюдалось.

Вздыхнул Гешка разочарованно, взял в руки пустую стеклянную банку да и потрусил по пирсу – за добавкой.

– А это кто? – вырвалось у Ника. – И каждый раз, пройдя меж пьяными, всегда без спутника, одна, дыша духами и туманами, она садится у окна...

Мимо них шла, вернее – шествовала, очень-очень красивая женщина. Чуть-чуть за тридцать пять. Гордая королевская осанка, грива роскошных чёрных волос, глаза – словно два голубых светлячка. Красавица была одета совершенно необычно для этих мест, где прочно преобладали ватники и бушлаты: городской кожаный плащ, туфли на высоком каблуке, крохотная изящная шляпка, стильная дамская сумочка – в цвет туфлям и шляпке.

Вырвиглаз тут же вскочил со своего ящика и торопливо поздоровался:

– Здравствуйте, Маша! Как у вас дела? Какие новости?

– Здравствуйте, Владимир. У меня всё по-старому, без новостей, – женщина грациозно кивнула Вырвиглазу в ответ и гордо проследовала мимо.

Отойдя от компании метров на двести, незнакомка подошла к краю пирса и замерла, неотрывно всматриваясь в морские просторы.

Ник вопрошающе посмотрел на Вырвиглаза, но тот, притворяясь непонимающим, отвернулся.

Примчался Гешка с полной банкой пива, затараторил возбуждённо:

– Тут такая женщина проходила – королева прямо! Кто это, Владимир Ильич? Не знаете, часом?

– Ну, Владимир Ильич, миленький! Расскажите! А? – попросил Ник. – Интересно же...

Помявшись для приличия, Вырвиглаз всё же снизошёл к просьбам:

– Хорошо, висельники, – извините за этот неоднозначный эпитет, – так и быть, расскажу. Тем более что молоды вы ещё – до умиления. Вам такие истории весьма и весьма полезны быть должны. Слушайте же. История эта прекрасна и страшно романтична. А суть ее заключается в следующем: самое эффективное в этом мире средство, обостряющее ум человеческий до невиданных высот, – это кружка чёрного пива «негл», выпитая в нужном месте, в нужное время и в правильной компании...

О том, как Мария Николаевна осчастливила Магадан своим многолетним присутствием, вам расскажет любой местный бич, спросив за эту услугу совсем даже недорого: двухлитровую банку чёрного «негла» и свежий анекдот с Большой земли, обязательно – политический.

Итак, незадолго до нового, 1929 года Мария Николаевна Сазонова, двадцатипятилетняя аспирантка кафедры высшей математики университета города Ленинграда, грядущее светило точных наук, красавица и умница, комсомолка и спортсменка, чинно сидела в пивном баре «Висла» за кружечкой светло-жёлтого напитка, который по какой-то жуткой ошибке именовался «пиво», и старательно продумывала сотый вариант решения знаменитой теоремы Ферма.

В те времена в так называемой интеллектуальной среде это считалось достаточно модным и почетным занятием. Да и размер премии, обещанной каким-то иностранным чудачком за правильное решение, если говорить откровенно, впечатлял.

За соседними столиками оживлённо переговаривались влюблённые парочки.

В углу зала молодой человек небрежно прикасался к клавишам рояля и, отчаянно грасируя, что-то негромко напевал.

В этот ответственный момент, зловеще заскрипев, как говорят в модных романах о роке и неотвратимой судьбе, открылась старинная дверь, и в заведение вошел смуглый малый двухметрового роста.

Судя по обветренному, украшенному двумя неровными шрамами лицу, вошедший был моряком, а милый акцент, который проявился несколько позже, явно свидетельствовал о его отнюдь не столичном происхождении.

Это был не кто иной, как Семён Походня – коренной житель славного города Магадана, знаменитый в иных соленых водах капитан парохода «Красный Октябрь», перевозившего особо стратегически важные для северо-востока страны товары: красную рыбу и тюлений жир.

Молодые люди познакомились и славно поболтали, выпив по кружечке вышеупомянутого светло-жёлтого напитка.

Случайно узнав, что эта отвратительная жидкость называется «пиво», моряк сперва удивился, потом рассердился, затем разгневался.

Засучив рукава бушлата, он своей крепкой загорелой рукой, не торопясь, обхватил горло несчастного бармена, требуя немедленно объяснить смысл этой несмешной шутки.

После последовавших затем незамедлительных и витиеватых извинений, благородный Семён решил простить глупого бармена и даже, достав из своего бездонного походного баула объёмистую флягу, сработанную из моржовой шкуры, угостил всех желающих благородным магаданским «неглом».

К этому моменту большинство посетителей благообразно покинуло опасное заведение.

Но Мария Николаевна осталась сидеть на прежнем месте.

Безусловно, она была несколько фраппирована поведением своего неожиданного собеседника, но ничуть не испугана, – ведь общеизвестно, что напугать ленинградскую комсомолку гораздо труднее, чем даже решить неразрешимую теорему Великого Ферма.

– Милая Мария, – чуть смущенно проговорил неустрашимый морской волк. – Ответьте, пожалуйста, благородного «негла». В его вкусе – вся правда о моей прекрасной Родине. Сделайте глоток, закройте глаза – и вы погрузитесь в мир прекрасных видений. Голубые далекие горы, полные неизъяснимой печали и зовущие в дорогу – прочь от родного очага, за неведомой призрачной мечтой. Стада северных оленей, пугливых и грациозных, как наши детские сны. Беспокойные, никогда не засыпающие птичьи колонии, и океан, великий Северо-Ледовитый океан... О, Мария, как жаль, что я не родился поэтом.

Прикурив черную, непривычно длинную сигарету, Семён Походня продолжил:

– И ещё: если вы сделаете глоток этого благородного напитка, то перед вами могут открыться многие тайны мироздания....

Тут произошло неожиданное.

Элегантная, одетая по последней моде ленинградская девица, бестрепетной рукой, затянутой в тугую лайковую перчатку, решительно взяла со стола кружку капитана и единым махом осушила её до дна.

Результат превзошел все ожидания.

Глаза Марии Николаевны широко распахнулись и засияли, словно два самоцвета, собольи брови удивленно взлетели вверх, а маленькие карминные губы прошептали непонятные слова:

– Эврика! Эврика! Эврика!

Она быстро вскочила на ноги и, схватив со столика свою элегантную сумочку крокодиловой кожи, мгновенно выбежала на улицу.

Бедный Семён только растерянно хлопал ресницами, делая при этом руками какие-то непонятные движения – явно извинительного характера, словно беззвучно призывая Господа в свидетели своей полной невинности в произошедшем.

Как говорят чукотские охотники: «В чем ошибся белый медведь, уже не важно. Важно, что тюлень, все-таки, улизнул».

А Марию Николаевну просто-напросто посетило озарение, она неожиданно и мгновенно нашла решение Великой Теоремы и срочно побежала домой, стремясь как можно скорее зафиксировать на бумаге свое великолепное открытие.

К вечеру все было записано, оформлено как надо, запечатано в конверт и отправлено почтой в город Москву – Ивану Терентьеву, тогдашнему её жениху, который в поте лица трудился профессором высшей математики в тамошнем университете.

Покончив с этим важным делом, усталая наследница славы Архимеда и Лобачевского уснула сном ангела.

Утром же выяснилось, что имеет место быть маленькая неприятность: за ночь решение теоремы Марией Николаевной было напрочь забыто, и виной тому, по ее мнению, был некий смуглый верзила с двумя крайне безобразными шрамами, который снился ей безостановочно всю ночь, рассказывая всякие байки о северных морях, золотоносных россыпях, спрятанных глубоко под вечной мерзлотой, о белых медведях, моржах, северных оленях и прочих глупых разностях.

Это действительно была, на первый взгляд, просто маленькая неприятность, – ведь решение было у Ивана Терентьева, который через месяц должен был прибыть в Ленинград для официального предложения руки и сердца.

Месяц пролетел как один день.

И вот – долгожданная встреча любящих сердец.

– Иван! – взволнованно щебетала девушка, радостно улыбаясь и теребя рукав пиджака своей будущей половинки. – Правда же, мое решение просто великолепно и бесспорно? Ну, скажи же скорей. Правда?

– Дорогая Маша, – несколько озадаченно проговорил Иван, неодобрительно подёргивая роскошными усами. – Я, право, несколько удивлен. Ведь любой студент знает, что решения теоремы Ферма не существует, да и не может существовать. Как же ты, право...

– Стоп, Иван Терентьев, – безапелляционно перебил его голос, в котором уже угадывались предгрозовые нотки. – Оставь свое мнение при себе. А мне отдай *моё* решение. И отдай немедленно!

– Но дорогая, – ошарашено промямлил уважаемый и заслуженный профессор. – Я искренне подумал, что это твоя предновогодняя шутка. Розыгрыш, так сказать. Ну, я и...

– Короче говоря, – пророкотал громовой раскат, и профессору даже показалось, что где-то совсем рядом сверкнули две голубые молнии. – Ты выбросил его? Выбросил? Выбросил? Выбросил?

– Ну, конечно, я... – это были его последние слова в этом диалоге.

Вы знаете, что такое настоящий гнев?

Гнев ужасный, беспощадный, Гнев с большой буквы?

Если вы не встречались с по-настоящему разгневанной советской комсомолкой, то вы не знаете о гневе ничего.

Первый удар, нанесенный закрытым дамским зонтом, сбил с головы бедного Ивана его модную кепку. После второго разлетелись на тысячи мелких осколков его стильные очки, привезённые из заграничной поездки на какой-то научный семинар. После третьего... – впрочем, будем милосердны, кровожадность ныне не в почете.

После этого инцидента о свадьбе и речи быть не могло.

Но вовсе не это беспокоило нашу воительницу.

Гораздо более важная и неразрешимая проблема стояла перед ней: в Ленинграде, в этом советском мегаполисе, где, казалось бы, есть всё (в принципе, и при наличии нужных связей), невозможно было достать ни единой кружки, или там бутылки, чёрного чукотского «негла». Даже связи нужные совершенно не помогали. А как без этого волшебного помощника вспомнить секрет решения Великой Теоремы?

Проблема разрешилась как-то сама собой.

Села Мария Николаевна в поезд дальнего следования, доехала до Владивостока, а уже оттуда отправилась в экзотическое морское путешествие с конечной точкой маршрута в захудалом городке Магадан, что расположился где-то на самом краю земли.

Дальше случилось то, что случается в этих местах всегда и со всеми.

Полюбила молоденькая жительница Ленинграда эти благословенные края и успешно забыла: и о теореме Ферма, да и вообще – обо всех и всяческих теоремах.

А кроме того, вышла замуж за морского бродягу Семёна Походню, который, к несчастью, лет шесть тому назад сгинул где-то на просторах океана – не вернулся старенький пароход «Красный Октябрь» в порт приписки.

Детей у них не было, но Мария Николаевна не вернулась на Большую Землю, живет себе в маленьком ветхом домишке, выращивает в самодельном парнике – на зависть местным клушам – гвоздики и тюльпаны и каждое утро приходит на дальний причал: все ждет своего верзилу с двумя симпатичными шрамами на смуглом обветренном лице.

За это все жители Магадана ее безмерно любят и уважают...

– Вот, так-то оно, молодые люди. Вот, она какая – настоящая любовь. Как же везёт некоторым! Как же везёт! – проговорил Вырвиглаз, нешуточно растроганный собственным рассказом, не отрывая глаз от стройной женской фигурки, застывшей на дальнем краю причала.

Завизжали автомобильные покрышки. На пирс въехали две эмки, за ними следом катил, пыхтя как натуральный паровоз, неуклюжий автобус защитного цвета.

Из кабины первой машины торопливо выскочил капитан Курчавый, громко заорал, размахивая руками:

– Мать вашу, козлов драных! Все в автобус, быстро! Тревога! Токарева убили...

Глава восьмая

Почти откровенный разговор

Прибыли на базу, где за высоким забором прятался оперативный штаб.

Сразу прошли в рабочее помещение, расселись по местам.

– Даю вводную, товарищи, – уже привычно начал Курчавый. – С пьянкой вашей мы потом разберёмся, по всей строгости. Пока – слушайте информацию. Как всем известно, в Архангельске имела место попытка диверсии: некая иностранная гражданка умудрилась переправить в салон самолёта пакет с взрывчаткой. В результате произошёл взрыв в воздухе, самолёт чудом избежал серьёзной аварии. В Москве к этому инциденту отнеслись очень серьёзно. Установлена личность подозреваемой особы. Это некая Мэри Хадсон, уроженка американского города Нью-Йорка. Известна, впрочем, нашим службам и под другими именами-фамилиями. Уехала из Америки почти восемь лет назад, в возрасте девятнадцати лет. Всё это время считалась сочувствующей коммунистическому движению. Одно время была близка к группе Григория Димитрова. Несколько месяцев даже провела под следствием – после инцидента со зданием Рейхстага. Отпущена за отсутствием улик. В 1936 году курировала, по нашей просьбе, некоторые вопросы, связанные с проведением в Берлине олимпийских игр. Участвовала в испанских событиях – организовывала эвакуацию в СССР детей испанских патриотов. Однако сейчас всплыли, благодаря усилиям наших товарищей из внешней разведки, и противоположные, негативные факты. Существуют, например, фотографии, где мисс Хадсон снята во время дружеской беседы с Геббельсом.... Понимаете, что это значит?

– То есть, версия о немецком следе уже раньше рассматривалась и сейчас получила дополнительное подтверждение? – уточнил Ник. – Именно поэтому нам тогда, в Морье, оставили занятия по немецкому языку, а по английскому отменили?

– Правильно всё понимаете, товарищ Иванов, – согласился Курчавый. – Особенно, когда спиртным не злоупотребляете.

– Мы, это, не будем больше, – смущённо прохрипел Лёха.

Не удостоив Сизого даже взглядом, капитан продолжил:

– Более того, было установлено, что в Барселоне наша симпатичная американка занималась эвакуацией не только детишек в СССР, но и антиквариата разного – уже в Германию. Горько сознавать, что советские офицеры Токарев и Кузнецов, хорошо вам всем известные, оказывали ей в этом содействие. За незаконную оплату их услуг в иностранной валюте. В чём Токарев и сознался – после нашей с ним продолжительной беседы. Но, к сожалению, только в этом. Вернее, в остальном – не успел признаться. Москва его к себе затребовала. Во время транспортировки в аэропорт задержанный Токарев был убит. Если быть совсем точным: застрелен неизвестным снайпером с расстояния порядка трёхсот метров. Снайпера задержать не удалось.

– Да это же точно она! Здесь она, Пётр Петрович, видели её здесь! – буквально-таки взвыл Ник.

– Вы имеете в виду мисс Мэри Хадсон? – спокойно уточнил капитан. – У неё что – крылья выросли? И кто же видел её? Кто – конкретно? Уверены, что это не ваши пьяные галлюцинации? – усмехнулся даже.

Рассказали ему, перебивая друг друга, о том походе в Нахаловку, о девице рыженькой, изысканно одетой, что Банкин в халупе заметил.

Перестал усмехаться Курчавый, тут же приказал майору Петренко готовить группу захвата.

Перед началом операции, надо майору должное отдать, подготовку развёрнутую провели, серьёзную. План наиподробнейший этой Нахаловки расстелили на столе, нашли нужный дом, отметили карандашом все пути возможного отхода – где необходимо расположить секретные посты. Всё просчитали: одна группа атакует напрямую, другая – с тыла, с небольшим отставанием, шесть постов, по два человека в каждом, дежурят на всех ближайших перекрёстках.

Нику и Ерофею Бочкину капитан даже разрешил непосредственное участие в операции принять.

Нику – потому как в лицо американку знал. Бочкину – потому как «застоялся без оперативной работы».

На задержание отправились пешком, чтобы шумом автомобильным не вспугнуть дорожную добычу. Да и недалеко совсем до Нахаловки было, километра полтора. Почему же не прогуляться лишний раз по свежему воздуху?

Разбились на группы, в порядке строгой очерёдности заняли исходные позиции.

Причём, как Ник про себя отметил, всё солидно так проходило, без суеты и спешки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.